Задонский паломник

по благословению митрополита Липецкого и Задонского Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

№ 93,
3 сентября 2013

12+

Одобрено синодальным информационным отделом РПЦ св. №134 от 04.09.2011 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство:
ПИ №ФС77-21446
от 01.07.2005 г.

Учредитель:

Православная религиозная организация Задонского Рождество-Богородицкого мужского Епархиального монастыря г. Задонска Липецкой области
Липецкой и Задонской епархии РПЦ (Московский Патриархат)

Главный редактор:

Иеромонах Гавриил
(Мельников Д.В.)

Адрес редакции, издателя:

399200, Липецкая обл.,
г. Задонск, ул. К. Маркса, 121.
Телефон: (47471) 2-49-55

Адрес типографии:

399200, Липецкая обл.,
г. Задонск, ул. Коммуны, 14.

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

При перепечатке ссылка на «Задонский паломник» обязательна.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
Просьба не использовать издание в хозяйственных целях.

СОДЕРЖАНИЕ:

2 «МИТРОПОЛИЯ»
Очерк событий

4 «БУДЬТЕ СОВЕРШЕННЫ...»
Проповедь митрополита Липецкого и Задонского Никона

7 «МОНАСТЫРЬ», ч.2
Из «архивов» души

32 «РАВНОАНГЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ»
Из лекции прот. Евгения Шестуна

37 ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
Из писем схиархимандрита Виталия (Сидоренко)

40 ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
«О многообразии гордости», ч.4
Из бесед с кавказским пустынником

50 «НЕ КАСАЙСЯ ЭТОГО. ЗДЕСЬ ЯД»
Из творений святителя Тихона Задонского

52 «СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН – ЗАСТУПНИК ОБИДИМЫХ»
Из воспоминаний протоиерея Тихона Донецкого

57 «БОЖЕ, БУДЬ СО МНОЮ!»
Из воспоминаний протоиерея Михаила Труханова, ч.7

60 «ЛЕСНИК»
Детский рассказ

МИТРОПОЛИЯ

«А понеже все блаженство христианского общества от разумных и добрых пастырей и начальников зависит; то вы, христоименитые люди, не преставайте молить общаго всех Владыку Христа, да вразумит и наставит пастырей и прочих начальников христианских: се бо есть блаженство ваше!»

Свт. Тихон Задонский

В 2011 году благословением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла был инициирован процесс структурной реорганизации канонического пространства Русской Православной Церкви путем выделения новых епархий и объединения их в состав митрополий. За последние годы многие епархии были разделены, изменился и штат правящих архиереев нашей Церкви.

Оценивая текущие события, многие интересуются, в чем основная цель такой реформы. Но, если обратиться к истории, мы увидим, что издревле трехступенчатая организация управления Поместной церковью: Патриархат – митрополия – епархия, – почиталась наиболее действенной для полноценной жизни христианского общества. Нам также известны многие примеры, когда формирование новых епархий было обусловлено духовным кризисом в обществе.

Так в 1682 году при Патриархе Иоакиме (Савелове) решением Собора из состава Рязанской была выделена Воронежская епархия, куда и вошли земли липецкого края. Правящим архиереем на новоучрежденную кафедру был назначен свт. Митрофан Воронежский. Благословляя такие меры, Патриарх Иоаким заботился о том, чтобы противодействие угрозе раскола внутри Церкви Христовой сопровождалось подлинной проповедью Православия и опровержением заблуждений, царивших среди местного населения.

Каждая создаваемая ныне митрополия, как правило, охватывает определенную административно-территориальную область, состоит из нескольких самостоятельных епархий и находится в канонической власти митрополита. Основная же задача митрополии заключается не только в организации и координации взаимодействия граничащих друг с другом епархий, но, как и прежде, предполагает усиление развития всех сфер церковной деятельности на каждом уровне: как епархиальном, так и приходском.

Весной нынешнего года процесс реорганизации коснулся и церковной жизни Липецкой области. Очередное заседание Священного Синода РПЦ под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла состоялось 29 мая в историческом здании Святейшего Правительствующего Синода в городе Санкт-Петербурге. Тогда, рассмотрев рапорты правящих архиереев, Священный Синод принял решение об образовании ряда новых митрополий, в числе которых была и Липецкая. Для этого из состава Липецкой и Елецкой епархии в административных границах Елецкого, Данковского, Долгоруковского, Измалковского, Краснинского, Лев-Толстовского, Лебедянского, Становлянского и Чаплыгинского районов Липецкой области была выделена Елецкая епархия. Преосвященным Елецким и Лебедянским постановили быть Преосвященному Максиму, бывшему епископу Барнаульскому и Алтайскому. Главой же Липецкой митрополии – Преосвященному Никону. В состав же Липецкой и Задонской епархии вошло 156 приходов Липецкого, Задонского, Грязинского, Добринского, Усманского, Хлевенского, Тербунского, Воловского и Добровского районах.

В сан митрополита Владыка Никон был возведен спустя месяц, 23 июня, в Трапезном храме Троице-Сергиевой лавры. Особо радостно, что в текущем году эта дата совпала с днем Пресвятой Троицы и сошествием Святаго Духа.

О значении событий тех дней мы попросили рассказать митрополита Никона:

– Ваше Высокопреосвященство, что изменилось в церковной жизни нашего края после реорганизации Липецкой и Елецкой епархии?

– Конечно, совершилось удивительное событие. Мне кажется, что создание территориально более «компактных» епархий действительно дает возможность церковным властям внимательнее относиться к жизни каждого, пусть даже самого отдаленного, прихода. Значит, и архиерейские

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

УКАЗ

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему НИКОНУ
(Николаю Ивановичу Васину),
архиепископу Липецкому и Задонскому

В связи с назначением Вас главой Липецкой митрополии (определение Священного Синода Русской Православной Церкви от 29 мая 2013 года, Журнал № 42), Вы возводитесь в сан митрополита.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

«23» июня 2013 г.
№ У-01/307

Богослужения будут совершаться в каждом храме епархии гораздо чаще, а такое молитвенное общение очень воодушевляет людей. Для меня же вопрос духовного укрепления нашего народа был и остается самым главным.

За прошедшие десять лет существования Липецко-Елецкой епархии все, кто трудился здесь на созидание духовной жизни, знают и помнят, что какое-либо материальное возрождение и становление дается значительно проще, нежели духовное. Поэтому мы по-прежнему будем стремиться к укреплению и единению во Христе. Будем молиться друг о друге, осознавая свою ответственность не только за судьбу митрополии или отдельной епархии, но и всей Церкви Христовой.

– Наверное, многие были очень рады Вашему возведению в сан митрополита?

– Поздравляли, конечно, многие. Но особую радость я заметил у насельников Задонского Рождество-Богородицкого монастыря. Такое в этом событии они нашли для себя утешение. Конечно, монастырь – это большая духовная семья, поэтому и скорби и радости мы привыкли делить вместе.

– Владыка, а что изменилось лично для Вас?

– Самая заметная для меня перемена – это цвет клобука: с черного на белый. Но, думаю, Господь ждет от нас иных перемен: чтобы делами нашей жизни очистились и убелились наши души. Хотя такая цель должна определять жизнь не только митрополита, но и каждого православного христианина. А поэтому, коль милостью Божией жизнь продолжается, то нас по-прежнему ждут и многие-многие духовные труды.

– Дорогой Владыка, желаем Вам доброго здравия, долгоденствия, содействия Святаго Духа! И пусть Липецкая митрополия еще более процветает под Вашим святительским омофором!

«Будьте совершенны...»

«Не обманывайтесь, братия мои возлюбленные. Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов...» (Иак 1:16-17)

Священное Писание напоминает нам о вечном призыве Христа: *«...будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»* (Мф 5:48). В былые времена христиане полагали в основу своей жизни пример Самого Спасителя, соизмеряя свои поступки, помыслы и намерения с Его заповедями. А те, кто искал большего совершенства, шли в монастырь, чтобы там, оставив все мирское и суетное, предстоять пред Богом и более строгим подвигом поста, молитвы и послушания стяжать от Него смирение, терпение, кротость, скромность, целомудрие, любовь к ближним...

Вы скажете: «Сегодня другие времена, другие нравы». Но разве так важно, какие времена, если Евангельские заповеди все те же? Точнее было бы признать, что сегодня другими стали христиане... Мы принимаем Святое Крещение, носим нательный крест, и многие из нас стремятся к совершенству. Но каковы те идеалы, к которым стремится современный человек? Каким духом он руководствуется, определяя для себя желанные цели? Поэтому, чтобы понять: «Что для меня есть совершенство?» – нужно задуматься: «А чьи законы я чту и кого ставлю для себя примером?»

Действительно, сегодня целеустремленность свойственна большинству из нас. Мы трудимся, приобретая знания и умения, развивая интеллектуальные способности, творческие навыки, физическую и эстетическую культуру своего тела. Каждое новое поколение утверждает для себя новые «стандарты» жизни, нормы морали, а соответственно и «человеческие ценности». Нам кажется, что требования современности становятся все сложнее, поэтому

с каждым годом все тяжелее соответствовать им. Мы отдаем силы, чтобы успеть за «духом времени», чтобы соответствовать модным веяниям и требованиям технического прогресса... В этой «гонке» ставятся вполне естественные для нас задачи: получить образование, создать семью, иметь хорошую работу, престижный автомобиль, комфортное жилище...

Но почему мы стали так зависимы от «духа времени»? И кто лишает нас Богом данной свободы? Этот выбор формируется внутри каждого из нас, и есть тому причины. Когда младенец делает свои первые шаги, заботливые родители уже начинают прилагать все возможные усилия, чтобы «запрограммировать» его сознание на достижение максимально комфортной, успешной и престижной жизни в обществе. Но разве в этом смысл жизни, и для этого ли мы рождены? Сколько бы ни продлились наши земные дни, нам все равно предстоит в одночасье оставить все нажитые «богатства» и, обнажив свою больную душу, предстать пред Богом. И что в тот час мы скажем Ему?

Ведь, сотворив человека свободным, Господь верил, что он устремится к своему Творцу... И, когда Спаситель пришел на землю, Своими заповедями Он вновь указал на тот путь, который и в земной, и в вечной жизни вел бы нас к единению с Богом. Значит, если истинная цель, предначертанная человеку Богом – Небесное Отечество, то устремляться к земным «сокровищам» и плотским утехам истинный христианин сочтет, как минимум, безрассудным.

Но оглянитесь: никто не хочет прощаться с земной жизнью – ни я, ни вы! Мы любим ее за красоту растительного мира, великолепие цветов, разнообразие животных, за мудрость пчел и пение птиц, за тайны воды и небесных светил... Господь украшает землю разнообразием природы, чтобы утешить человека и напомнить Своему творению о его Творце. Человек же, наслаждаясь дарами Бога, присваивает их себе, чтобы отвлечь свою совесть и не думать о Небе. Душа привязывается к красотам и материальным благам этого мира, и мы, не вспоминая о том, что впереди вечность, продолжаем заботиться о плотском: выстраиваем земные замки, накапливаем земные богатства и стремимся к земной славе.

Так человечество без устали трудится над «усовершенствованием» и переустройством своего бытия. Люди дерзают верить, что, существуя вопреки Божественной Истине, они способны улучшить и украсить этот мир своей внешностью, яркой одеждой и декорациями, своими изобретениями, невероятными архитектурными решениями, научными и творческими изысканиями... Люди участвуют в вечном «марафоне» за первенство интеллектуальных способностей, творческих или физических возможностей – они жаждут новых рекордов. Они полагают всю свою жизнь, чтобы их «исключительность» была признана в обществе, а еще лучше – была запечатлена в истории. На основании знания природных условий земного существования одни изобретают рецепты достижения человеком счастья и совершенства, другие ставят целью приобретение несметных богатств, ощущая в этом свое «могущество» и право считать себя «хозяином» жизни...

Но, дорогие, многие ли из нас задумываются о том, что так мы разрушаем Божий замысел о человеке, о его предназначении? Некоторые люди открыто противоборствуют Богу, другие же, не признавая Его закон, но устраивая жизнь по своим понятиям о «добре» и «зле», отказываются от того, чтобы Господь определял их жизнь.

Давайте вспомним: кто стал «основоположником» и главным идеологом пути не по Божией правде? – диавол. Но почему, слепо уподобляясь его примеру, мы не задумываемся о постигшей его участи? Страшная картина: противопоставить себя Богу, из Его лучезарного ангела превратиться в «князя тьмы» и источник зла, чтобы своими богопротивными замыслами преумножать его во всем мире.

Все это говорит о том, что любой путь жизни, который не соответствует Божественной Истине, не позволит человеку стать истинно добродетельным, а тем более истинно совершенным, потому что

такой «курс» обречен на злую участь. Где нет жизни по Богу, там свойственным становится зло, там незаметно происходит подмена понятий «порока» и «добродетели». Значит, без Бога человек способен развивать и «совершенствовать» в себе лишь страсти, слепо почитая их за добродетели. Что и говорить, если большинство людей уверены в том, что гордость – это «достоинство», совершенно необходимое для жизни, а тщеславие, остроcловие, жестокость, дерзость, похоть и соблазн – это престижные признаки «эксклюзивности» личности...

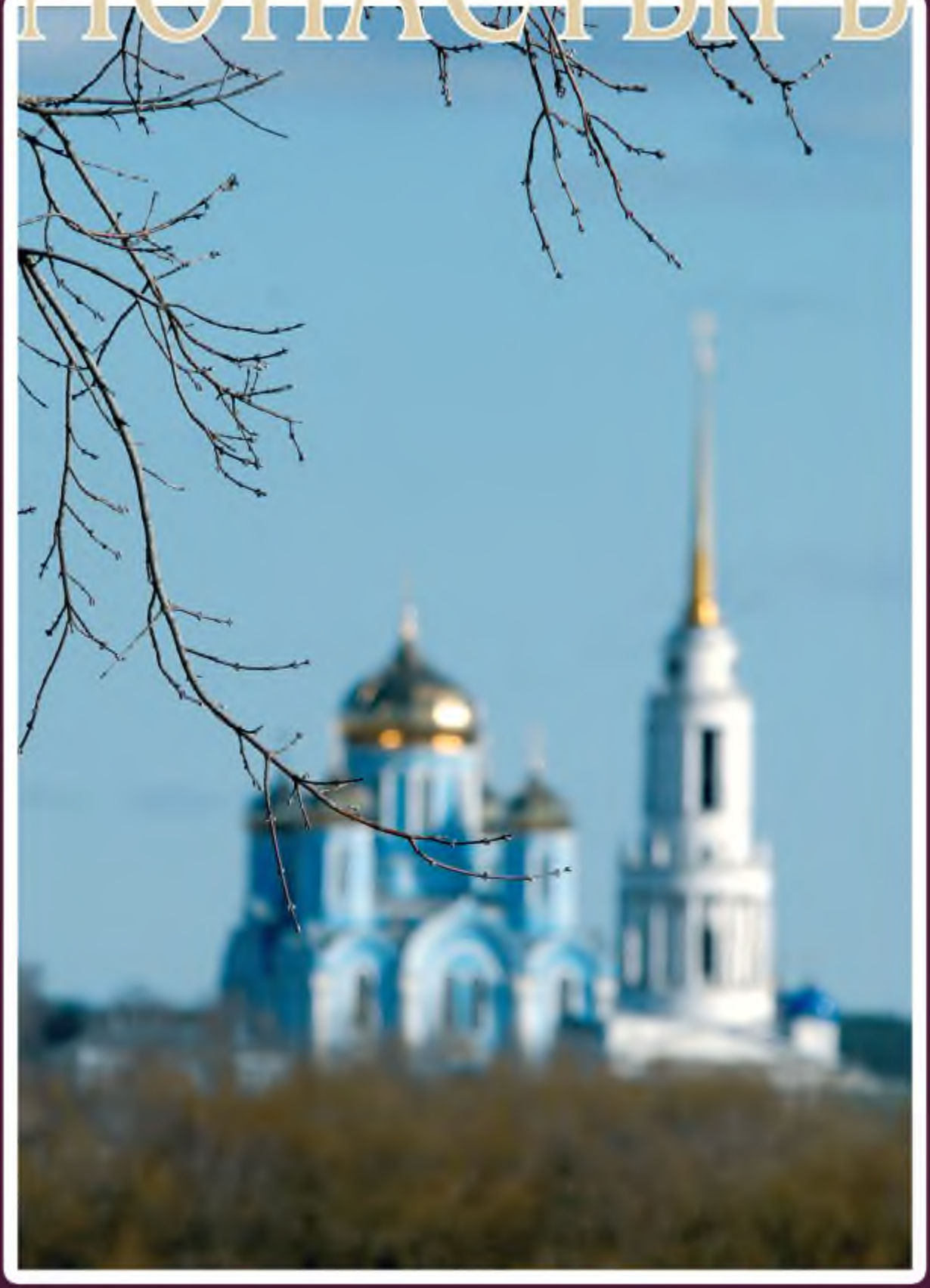
Господь предупреждает: *«...по причине умножения беззакония, во многих* [в сердцах человеческих] *охладеет любовь»* (Мф 24:12). Апостол Любви Иоанн Богослов говорит, что не любит тот, кто не познал Бога, *«потому что Бог есть любовь»* (1 Ин 4:8). Поэтому по своей сути жизнь вне Божественной Истины порочна, эгоистична и не способна никого любить. Так о каком «совершенстве» здесь может идти речь? Ведь многие люди, отвергающие своей жизнью заповеди Божии, просто «не дотягивают» до уровня человека, потому что свойства их душ, качества их сердец, желаний, устремлений и поступков не могут даже приблизить их к Божественному предназначению человека. При этом уровень истинной христианской человечности чувствуют все люди, и в их сердцах ей присваивается высокая награда. Потому что, выделив кого-то из толпы по внутренним качествам скромности, честности, искренности, доброты и любви, мы с уважением скажем о нем: «Вот это Человек!»

Дорогие мои, Бог зрит в каждое сердце и желает спасения каждой душе. Он отводит нас от беды, хотя зачастую мы расцениваем Его помощь как случайность. Происходят события, опасные для жизни, но мы бываем спасены. Потом, задумываясь о происшедшем, мы удивляемся: «Еще секунда, еще миллиметр – и я бы погиб!» Так Кто подарил тебе эту секунду? – Господь! Но даже в таких случаях не каждый задумается и почувствует присутствие Бога и Его вечный призыв к исправлению. Поэтому тем, кто все же еще способен к покаянию, иногда попускаются обстоятельства, которые могут помочь им задуматься об истинном смысле и итогах жизни, ведь *«...придет Господь... и осветит скрытое во мраке, и обнаружит сердечные намерения»* (1 Кор 4:5). Чем дальше мы уходим от пути спасения, тем суровее для нас такие «напоминания» и тем тяжелее мы их воспринимаем. Из средств массовой информации мы знаем многие примеры того, как богатые люди бесславно теряют свои капиталы, или как разного рода безумие овладевает творческой «богемой», «звездами» эстрады и театральных подмостков, или как серьезные недуги сковывают спортсменов с выдающимися физическими способностями... Ведь лишь тогда – ощутив полное бессилие, на грани отчаяния и потери смысла жизни – люди начинают призывать на помощь Бога и задумываться о своих заблуждениях. А как радуются о них Небеса! Так говорил Господь: *«...бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся»* (Лк 15:10).

Дорогие мои, Спаситель сказал: *«Я есмь путь и истина и жизнь»* (Ин 14:6). Поэтому истинная жизнь для человека может быть только в Боге. Истинно человек тот, кто живет, как заповедано Богом. Господь же призывает: *«...любовью служите друг другу»* (Гал 5:13). И если бы все люди полагали основные усилия на стяжание добродетелей в духе Любви Христовой, то весь мир был бы близок к совершенству.

Поэтому, определяя для себя жизненные цели, не будем забывать, что истинно совершенствуется лишь тот, кто пребывает в Любви, кто пребывает в Боге. Я желаю, чтобы каждый из нас прислушался к себе, пересмотрел свои мотивы и убеждения и начал жизнь по заповеданному Богом, преуспевая в делах Его. Пока время нашего земного пути не растрачено полностью, давайте приведем все наши устремления в соответствие со святым предназначением человека: быть совершенным, *«как совершен Отец Небесный»*. Давайте проникнемся духом Любви Божией, станем подражателями святым угодникам и Самому Христу Богу (ср. Еф 5:1). Аминь.

МОНАСТЫРЬ



(93) 2013 Задонский паломник

«Слушай... и будь мудр, и направляй сердце твое на прямой путь»

(Притч 23:19)

Верность...

Стремление к Любви заложено в потаенных глубинах сердца каждого христианина. Но, как правило, желание посвятить всего себя служению Богу, идти путем монашеским формируется постепенно. Вряд ли можно понять, в чем суть монашества, бросив беглый оценивающий взгляд на монастырскую жизнь. Истинное монашество не бывает внешним – его нельзя воспринимать «по одежке», с ним нельзя знакомиться «на ходу».

Если ты увлечен мыслью о монашестве и собираешься прийти в монастырь – знай: тебе придется неоднократно испытывать себя, чтобы понять, способен ли ты обрести верность Богу, святой обители и избранному пути...

Верность... Это свойство сердца, о котором в наше «напыщенное» время не модно говорить. О верности не ведут дискуссий, потому что нынче с ней мало кто знаком. Обретение ее уже почти никто не ставит своей личной целью. Она требует «глубинных» перемен, но одна мысль о них способна обречь на заведомое «бегство» любое эгоистичное или безвольное к самопонуждению сердце.

Верность – непременный «спутник» истинного служения, это способность увидеть красоту в возможности жертвовать всем без остатка, ничего не ожидая взамен... Верность – это упорный труд над собой, это одна из жизненных установок, которая определяет полноценную личность человека. Она никогда не «приходит» одна, она неразлучно связана с ответственностью. Ее вместит лишь то сердце, которому прежде стали свойственны мужество, сила духа, надежность, самоотречение, послушание и любовь...

Блаженны те, кто устремляется к верности как к неоспоримой жизненной необходимости, как к совершенству во Христе. Она – великий и взаимный Дар от Бога за живой, самоотреченный отклик на призыв Его Любви...

Глава III: ПЕРВЫЕ ШАГИ

Цели и мотивы...

Цели и мотивы каждого человека – это тайна его сердца, тайна взаимоотношений его души с Богом. Поэтому они всегда свидетельствуют о том, какое место в системе своих жизненных ценностей он отводит Божественной Истине.

Сердечное расположение всецело посвятить себя Божиему Делу приводит ищущую душу в монастырь. Но не будем забывать, что любой современный человек живет в состоянии постоянного внутреннего раскола: он чувствует Божественную Истину, но, отвлекаясь на мирскую суету, не может всецело пожертвовать своими лично-эгоистичными навыками и жизненными убеждениями. Вот в таком состоянии многие и переступают врата святой обители. Но если человек действительно принял решение измениться, то этот шаг Господь сторицей подкрепляет покровом споспешествующей благодати – так полагается начало.

Прийти в монастырь – не фокус. Но проникнуться истинно монашеским духом и устоять на этом пути так, чтобы твоя жизнь приносила угодные Богу плоды – это задача совсем иной степени сложности. Хорошо бы сразу задуматься, имеет ли твое сердце драгоценное свойство вслушиваться в чье-то слово, склонен ли разум доверять не только себе, и не потеряла ли твоя воля способность отличать истинное добро и склоняться к нему.

Особенности...

Когда в монастыре собираются люди – все разного образования, воспитания, возраста, характера, с разными понятиями, целями и мотивами, то для того, чтобы монастырь «задышал» полнокровной жизнью – они должны стать единой семьей. Таковы особенности общежительного монастыря. Они должны быть всегда вместе: и на молитве, и на послушании, и в трапезной – везде. Объединившиеся здесь ради Христа люди – и есть монастырь. А в монастыре, как в семье, должны быть любовь и единство – единство целей, единство духа, где отец-наместник – и отец и мать. Он заботится о вверенных ему Господом душах и примером своей жизни показывает, как жить, чтобы всего себя посвятить Богу.

Когда между людьми есть любовь, когда они становятся друг другу родными и близкими по духу – их покрывает и духовно объединяет благодать Божия. Тогда появляется и единодушие. Святые отцы говорят, что новоначальным нельзя давать древние строгие уставы – они не вместят такие правила и могут надломиться. Прежде всяких подвигов всех должна объединить Любовь Христова, а в ней обитель обретет свое единство.

Поэтому, к сожалению, те, кто не может отречься своего «Я», не могут быть в согласии со Христом, в согласии с ближними – а значит, они в монастыре чужие. В своем сердце они далеки от истинно христианской жизни, а потому не смогут вместить и монастырскую. Таким людям сложно выживать в стенах обители, потому что ни любовь к ближним, ни радость за общее дело будет им не доступна.

Владыка Никон:

– Первые годы я ждал и просил Бога, чтобы из большого потока людей Господь бы выделил и сплотил тех, кто почувствует и проникнется духом любви, пример которой оставил нам и сам святитель Тихон, и наши старцы: схиархимандрит Виталий и Владыка Зиновий. Было понятно, что, пока не соберутся здесь единодушные люди, готовые и душу свою положить за наш монастырь, будет очень сложно созидать в обители полноценную духовную жизнь.

Слова не столь убедительны, если не подкреплены делом. Поэтому, конечно же, требовалось время, чтобы у каждого человека была возможность понять, сможет ли он воспринять уклад нашей жизни. Здесь нельзя было ничего «ломать» или навязывать – это должен был быть личный добровольный выбор каждого...

Я пришел, Господи...

Устремляясь к монашескому пути, прежде человек должен приобрести хотя бы ясное представление о том, в чем заключается христианство. Самый надежный вариант: когда до прихода в монастырь люди не «налегают» на книги, совершенствуя свою «теоретическую духовность» и интеллектуальные способности изречениями святых отцов, а на практике, в ежедневной борьбе со своим закоренелым «Я», стремятся смирять свою плоть и приобретать христианские добродетели. Бывает так, что люди долгие годы живут в ожидании достижения цели, и когда получают желаемое – они знают его высокую «цену» и хранят, как дар. Исаак Сирский говорил: «Если молишься Богу о чем-либо и Он медлит услышать тебя, не скорби об этом; ты не умнее Бога. Делается же это так по премудрейшему промышлению Божию, непостижимому человеческим разумом. Все удобно достигаемое и утрачивается скоро. Все же, обретенное с болезнью сердца, хранится тщательно».

Владыка Никон:

– Склонность к добродетелям – это драгоценное свойство воли и сердца, которое необходимо каждому человеку, если он хочет изменить себя и сделать свою жизнь сопричастницей Истины Христовой. Конечно, среди тех, кто приходит в монастырь, бывают люди по своей природе уже имеющие необходимые духовные задатки, но большинство все же не вполне правильно представляют себе, что ожидает их в монастырских стенах и на монашеском пути. Поэтому, если ты ставишь перед собой такую цель, хорошо бы, чтобы в твоем сознании уже были заложены хоть начатки основных качеств иноческого устроения: самоотречения, самопонуждения, послушания... Этому невозможно самопроизвольно научиться по книгам – такой путь приведет к заблуждениям. Правильное устроение накапливается постепенно и только в живом общении с опытными монахами, когда ты по доброй воле на практике пытаешься усвоить хоть элементарные азы послушания, понуждая себя хоть в чем-то отказаться от своей воли, желаний и убеждений.

Поэтому, чтобы, приходя в монастырь, избежать «горьких» разочарований, бывает полезно прежде испытать себя в миру. У меня тоже был такой опыт. Помню, как после армии, по благословению моих духовных наставников, я постепенно начал навыкать к более строгому посту и молитве: уже в миру не вкушал мясо, ходил в храм, читал правило и акафисты, отказывал себе в зрелищах и развлечениях... Так, задолго до принятия пострига, я привыкал к тем правилам и условиям, которые для монашествующих являются необходимым минимумом. На протяжении всех лет общения со старцами я старался вслушиваться и всматриваться в образ их жизни, мысли, действий. Их живой пример всегда был для меня источником христианской ревности и верным путеводителем на пути христианском, монашеском и пастырском.

А когда ко мне приходят люди, охваченные воодушевлением «бросить все и уйти в монастырь», я часто предлагаю им прежде испытать себя в миру: пожить по образу монастырской жизни, соблюдая хотя бы некоторые обязательные ее условия.

Вот, помню такой случай. Пришел ко мне один молодой человек:

– Я хочу быть монахом.

– Очень хорошо, у тебя замечательное желание. Но готовиться к монашеству нужно начинать дома: не смотреть телевизор, не ходить в кино, не участвовать в развлекательных мероприятиях, соблюдать посты, не вкушать мясное и т.д.

Рассказал ему о всех ступенечках, которые постепенно приводят человека к монашеству:

– Понял?

– Понял. Благословите.

– Бог благословит, – и назначаю срок искуса, например, год или полтора года.

Проходит некоторое время, он возвращается ко мне и говорит:

– Батюшка, я передумал. Не выдержу. Мне вот как захотелось мяса – так я пошел и как наелся!

– Ну, вольному – воля, спасенному – рай. Значит, еще не созрел ты для монашеской жизни.

Моя «истина»...

Монастырь – это духовная лечебница. Сюда приходят, чтобы измениться и стать другими. Для этого нужно изжить в себе не только страсти и пристрастия, но и «умные» расчеты, понятия, мирские суждения и «приобретения» – словом, всё, что для нас давно стало привычным, «логичным», «рациональным» и сложилось в свою личную жизненную «истину». Поэтому для новоначальных враг №1 – самостоятельно принятый и утвержденный «свод правил» о том, «как правильно меня спасать в монастыре». И если кто-либо из нас может распознать в себе присутствие таких навязчивых «истин», то не стоит сомневаться – они плод мирского духа и проявление гордости.

Владыка Никон:

– Во все времена были старцы, которые жили, пламенея пред Богом. И всегда были люди, которые, благоговея пред их монашеским опытом, просились к ним в послушники. Но, когда новоначальные послушники начинали подвизаться с отцами, ими постепенно овладевало не только недовольство, но и ропот и осуждение. Они не могли принять уклад жизни своих старцев. Сначала им казалось, а потом они уже были уверены, что отцы неправильно живут, неправильно ведут за собой, неправильно окормляют – что нужно было бы жить не так, а по-другому... В святоотеческой литературе таких примеров множество – они повторялись всегда и всюду, и в разные века – будь то даже соприкосновение с духовной традицией великих старцев Южной или Северной Фиваиды...

К сожалению, в основном так устроен неискусный ум новоначальных – примерять не себя к жизни старцев, но жизнь старцев к своему «Я». Это связано с неспособностью отказаться от уклада своей личной философии жизни... Мало ли среди новоначальных тех, кто считает, что именно он – носитель «истины» и все вокруг должны жить так, как эта «истина» велит...

Поэтому, если человек не имеет цели отречься от своего порочного «Я», но начинает предъявлять многие требования

к жизни других людей или же к жизни всего монастыря, он навлекает на себя множество испытаний и искушений, которые сам вряд ли долго выдержит. И, как следствие, он будет бесконечно переезжать из монастыря в монастырь, менять духовных отцов в поиске тех условий, которые в большей мере будут удовлетворять требованиям его страстей...

Как показывает практика, людей, способных сразу отречься своих «непосильным трудом нажитых» убеждений, не так уж и много. Мотивы же и цели остальных порой становятся парадоксальными: «Я так стремился в монастырь, чтобы изменить себя. Пришел... Но теперь с нетерпением жду, когда для начала изменится сама обитель...»

Радость и благоговение...

Владыка Никон:

– Сегодня даже воспоминания о первых годах нашей жизни в Задонском монастыре приносят сердцу «импульс» той радости и благоговения, которые мы ощущали, придя в это святое место. Была особая ревность восстановить драгоценную святыню – монашескую обитель, которая в течение многих веков созидалась подвизавшимися в ней иноками. А ведь среди них были и истинные подвижники, и старцы, и святые – здесь они несли подвиг своего служения, сюда притекали тысячи людей, многие души обретали мир, радость, любовь, очищение, исцеление...

И вот Господь собрал всех нас здесь и доверил возрождать обитель – дело очень важное – чтобы в ее стенах, вспоминая о своем Небесном призвании, люди получали возможность вернуться к истинной цели земной жизни. От того, какого духа соберутся здесь люди, зависело и то, каким станет монастырь. Понятно, что из мира каждый приходит со своими «вывихами». Но все, с Божией помощью, поправимо, если человек способен слышать и хоть немного внимать слову со стороны – тогда его можно правильно настроить на духовный «лад», и он поймет, что не стоит привносить мирской дух в монастырскую жизнь.

Послушание...

Послушание – это краеугольный камень. А для новоначального послушника или инока кроме послушания вообще ничего важнее быть не должно. Ведь все, что Господь ни делает, все к лучшему. Даже если тебе скажут: «Поезжай к папуасам и там проповедуй», – а ты не знаешь ни дороги, ни языка, ни обычаев целевой аудитории..., то должен с верой и надеждой на Промысел Божий ответить: «Благословите». Тогда за смирение и покорность Его Воле Господь укрепит тебя благодатью, подаст нужные знания и умения.

Ведь и на Небе есть своя иерархия, и там царит полное послушание. Адам и Ева нарушили Небесную идиллию, проявили непослушание Богу, а в результате на долгие-долгие годы потеряли райские обители и возможность Богообщения. Можно ли представить, что на Небе кто-то действует по своей воле? – Нет. Поэтому одна из важнейших земных задач человечества – исправить ошибку прародителей, вернуть себе Богообщение, а значит, способность слышать Слово Евангельское и быть послушным своему Творцу.

Митрополит Антоний (Сурожский) говорит: «...послушание в основе заключается в том, чтобы научиться всем существом своим – то есть всем умом, всем желанием своим, всей волей – вслушаться в то, что говорит другой. И цель его – именно перерасти себя, благодаря тому, что ты вслушиваешься в мудрость или в опыт другого человека. И от этого получаются не недоросли, а взрослые, зрелые люди, которые способны отрешиться от себя с тем, чтобы открыться голосу или образу другого человека...

А послушание, которое требует отрешенности, овладевания собой, имеет только одну цель: нас сделать способными слушать и слышать слово евангельское, то есть Христово слово в Евангелии, или голос – еле слышный, а то ясный, яркий – Святого Духа в нашей душе. И только такое послушание может нас сделать зрелыми людьми, а не недорослями, которые всю жизнь нуждаются в указаниях, что делать и как».

Ошибки новоначальных...

Игумен Трифон:

– Доверие самому себе, непослушание и своеволие – это самые главные ошибки новоначальных. Человек сам придумывает себе какие-то идеалы или правила, а потом страдает, когда сталкивается с совсем другими задачами или обстоятельствами. Он же один знает, как было бы лучше! И если начать так противиться и творить свою волю, то можно дойти и до повреждения.

Ну что может быть проще: «Как благословите!» – и не надо больше ничего придумывать. На первом этапе такое внутреннее расположение – «как благословите» – нужно усваивать всем сердцем, отсекая какие-то свои недовольства, мнения или «рациональные» предложения. Я понимаю, что, не изжив в себе мирской дух, человек будет продолжать опираться на свои чувства и понятия. А надо бы настраивать свое сердце на такую детскую простоту, чтобы с доверием к Богу быть уверенным: «Вот как скажут, так для меня и правильно...»

Нужно развивать навык к самоотречению. Если мы хотим измениться, нужно учиться отсекать свою волю. Иначе пройдут годы жизни в монастыре, а ты каким был, таким можешь и остаться, если не станешь хуже.

В святоотеческой литературе описывается такой случай. Пришел послушник в монастырь к отцу наместнику:

– Все, отче, примите меня на какое-нибудь послушание.

– Ну вот тебе послушание: каждый день стой на воротах и у всех входящих и выходящих проси прощения.

– Батюшка, да что это за послушание?! Какая от него польза? Я понимаю: носить кирпичи, рубить дрова, ходить с братией на сенокос, топить печку, для всех служить на поварне, на пекарне, в трапезной, в храме, на службах, но какой смысл мне стоять на воротах?

«Со скрипом» послушник начал исполнять благословение... Первое время он не мог вместить: «Зачем все эти действия?!» Затем появились раздражение и отвращение: «Почему я должен у всех просить прощения?!» Потом прорвался ропот, недовольство, осуждение и брань на отца наместника... Но шло время и, познавая свои немощи, он терпел себя, молился, причащался, каялся – и со временем просветлел его разум. Лишь с годами он начал понимать великую пользу, которую приобретала его душа: «Простите, помолитесь обо мне. Простите, помолитесь обо мне. Простите, помолитесь обо мне», – с этими словами, обращенными к большим и малым, бедным и богатым, его «Я» постепенно сгибалось-сгибалось-сгибалось... И на том месте в его сердце зародилось смирение, а значит, стала пребывать в нем Божия благодать.

Видно, тогда Сам Господь открыл игумену, где будет спасительно этому послушнику. Я думаю, и сейчас, через нас, убогих, Господь руководит нашей обителью, давая одному – одно послушание, другому – другое, третьему – третье... В любом случае, здесь, в монастыре, Господь дает возможность спасения каждой душе, и через какое ни есть, но начальство совершается Его Святая Воля...

Кто к семье, а кто не к семье...

С каждым, кто приходит сюда надолго, в святую обитель проникает мирской дух. Не будем забывать, что современные иноки – выходцы из современного мира. И чем вольготнее современный мир относится к заповедям Божиим, тем важнее затем инокам хранить верность Господу даже в малом, в послушании познавая Его волю и в смирении отрекаясь своего «Я». Поэтому как обрести, так и принести пользу в монастыре возможно, только если ты настроен стремиться к идеалу христианской жизни, непосильному для восприятия в духе современного мира.

Игумен Трифон:

– В первые годы в монастырь приходило очень много людей и многие из них – с разнообразными целями. Но как-то сразу было видно, кто воспринимает дух монастыря, а кто – нет; кто вливается в семью, а кто – нет. Они сразу отделялись, как-то особнячком держались, в келье сидят – шепчутся, мимо пройдешь, краем уха услышишь – осуждают.

Игумен Феофан:

– Я помню, Владыка интересно объяснял, почему в обители люди живут так поразному: у каждого свой взгляд и своя мера участия в монастырской жизни. Почему одни стремятся к духовной жизни, а другие ограничиваются физическим трудом. Почему кто-то стремится обрести способность к монашеству, а кто-то остается в стороне, не желая ничего в себе менять... Люди приходят настолько разные: кто-то, ничего не имев в миру «за душой», ропщет и недовольствуется условиями жизни, а кто-то, оставив свое богатое имущество и высокий социальный статус, бесконечно благодарит Бога, потому что понимает, что в монастыре он обрел гораздо больше...

Владыка говорил, что во многом это определяется теми причинами, которые привели человека в монастырь. Он приводил примеры: один приходит от неизбежности, другой – по необходимости, третий – из любопытства, четвертый – за тщеславными подвигами, пятый – не может найти себя в жизни... Кто-то ездит по монастырям и соприкасается с монашеским укладом жизни, видит перед собой примеры иноческого самоотречения ради Христа, а со временем и сам загорается желанием последовать этим путем. А кого-то за его смирение, за поиск добра и чистоты, за стремление жить по совести в монастырь привела Святая Благодать Божия...

Встреча правящего архиерея, 1993 год

Насельники Задонской обители, 1994 год

Возможность возрастать духовно Господь дает всем без исключения, но личные цели и мотивы – у всех разные. Поэтому во все времена в монастырь приходили люди с разным устроением, но истинно верными святой обители стали лишь те, кого не внешне, а внутренне сплотила единая цель – изменить себя в любви и служении Богу и ближним.

Мифы о «старцах» и «святых»...

Владыка Никон:

– Действительно, очень большое значение имеют цели и установки, с которыми человек приходит в монастырь, т.к. многие из них бывают заведомо неправильными. Этим объясняется «текучка кадров» среди приходящих в святую обитель.

Бывало так, что люди приходили с желанием подвизаться в монастыре, начинали жить и трудиться вместе с нами, но вскоре их духовный «подъем» сменялся разочарованием и недоумением. Тут выяснялось, что наша обитель не соответствует их внутренним требованиям. Они уверены, что в монастыре должно быть общество святых, а здесь их окружают простые грешные люди, в общении с которыми немало «шероховатостей». Потом они приходят к выводу, что и здешние монахи не соответствуют их представлению об «идеале». И в сознании появляются тревожные помыслы: «Я же пришел в монастырь спасаться! А как же спасаться, если здесь грешники кругом? Какой же это монастырь? Надо поискать более святое место...»

Вот такое заблуждение может увести человека с прежде избранного им пути. Но вряд ли с таким устроением он где-либо найдет себе пристанище, если вовремя не «вправить» такой «вывих» в его рассуждениях. Ситуация поправима, если человек способен слушать и перестать доверять лишь себе. Иначе, из-за слепого доверия своим заблуждениям, он попадает в замкнутый круг. А с таким устроением даже в монастыре он не сможет приобрести для своей души ничего доброго.

Еще одна ложная «стезя» – идти в монастырь в поиске старцев. Такие люди считают себя настолько «особенными», что могут доверить свою жизнь лишь отцам высокой духовной жизни. Они ищут спасение в авторитетах человеческих, но забывают о Боге. Они не задумываются о том, что если Господь из мира привел их в монастырь, то в этой обители, через благословение духовников, через священноначалие, Он поведет ко спасению каждую доверившуюся Ему душу.

Конечно, видя такие заблуждения, в те годы я говорил, говорил, говорил... Приводил поучения святых отцов, наставления наших старцев, многие примеры... Обращал внимание на то, что главное для всех нас – это послушание. А через послушание и отсечение своей воли человек начинает меняться, укрепляться в доверии Богу. Говорил о том, что мы здесь не старцы, мы – простые монахи, иеромонахи... Но мы стремимся жить по примеру наших отцов[1], которые и старцами себя не считали, но имели истинную верность Богу. Никакие преграды или испытания – будь то советские безбожные лихолетья, лагеря, ссылки или преследования – не мешали им идти путем монашеским. Они горели любовью ко Христу, и это определяло всю их жизнь – и послушание, и служение Богу и ближним.

Но тем не менее некоторые, продолжая погоню за старцами-подвижниками, оставляли нашу обитель. Кто-то уезжал навсегда, а кто-то, спустя время, побывав во многих монастырях, возвращался к нам:

– Отец Никон, так получилось, что ничего не нашел, ничего не увидел хорошего... Благословите остаться. Здесь лучше...

– Ну, что же, Бог благословит.

Вероятно, от таких заблуждений человека

[1] Речь идет о глинских старцах: схимитрополите Серафиме (Мажуга) и схиархимандрите Виталии (Сидоренко) [прим ред.]

может исцелить лишь Сам Господь. И к нам в обитель приезжали некоторые «старцы». Помню, я принял одного иеросхимонаха... И потянулись наши насельники к нему на исповедь, наставления его послушать... Дошло до того, что чуть ли не разделение в монастыре произошло. Некоторые братия приходили ко мне в недоумении: «Владыка, что-то не то происходит...»

Но пришло время – и «старец» покинул нашу обитель, а за ним последовало несколько матушек. Правда, спустя какое-то время мы узнали, что Церковный суд лишил этого батюшку сана и даже права носить монашескую одежду... И вернулись к нам наши матушки: «Прости, Владыка, мы думали – он старец».

Хорошо, когда вот так Господь вразумляет человека, пусть даже и через ошибки. А ведь многие разочаровались и ушли в мир. Это объяснимо. Потому, замкнувшись на доверии только себе, не имея даже навыка к послушанию, в монастыре преуспеть практически невозможно, а в погоне за «святостью», «старцами», «подвигами» и «чудесами» можно легко повредить рассудок...

Единство...

Владыка Никон:

– Конечно, была своя особенность в том, что и возрождение обители, и формирование монашеской общины происходило в плотном соседстве с производственными предприятиями и другими учреждениями, сотрудники которых в обиходе придерживались правил исключительно своего «этикета». Например, все рабочие завода и пищекомбината ходили по территории в белых халатах – по виду они напоминали ангелов с белыми крыльями. Но при этом многие из них сквернословили так, что даже мне приходилось беседовать с ними и объяснять, что за каждое слово нам придется дать ответ пред Богом. И, милостью Божией, со временем им все же стало стыдно ругаться хоть в нашем присутствии. А чтобы в подобных ситуациях наши насельники учились внимать тому, что происходит у них в душе, а не заострять внимание на чужих грехах, я говорил им: «Здесь трудятся ангелы...»

Под нашими кельями, в правом крыле колокольни на первом этаже, были помещения культпросветучилища. Там студенты часто проводили свои мероприятия: какие-то концерты, дискотеки со светомузыкой и барабанами. Вечерами со всего города собиралась молодежь... Конечно, для нас это было большим испытанием: ведь мы настроились жить в посте, молитве, воздержании, а тут – такое соседство... Поэтому, конечно, условия жизни были тогда со всех сторон «специфические», но ведь из всякого зла Господь подает возможность извлекать благо. Думаю, за счет таких сложностей извне, внутренне большинство наших насельников стремилось к монастырскому единству духа.

Игумен Трифон:

– Каждый новый день мы начинали сообща и сообща оканчивали. Владыка всегда приходил на утреннее правило. Тогда вся братия умещалась от колонны до колонны, где Владимирская икона Божией Матери: Владыка во главе, человек семь с одной стороны, человек семь – с другой. И ни у кого даже и мысли не возникало, что утреннее правило можно пропустить. Ведь общая молитва, начало нового монастырского дня! Как же можно пропустить такое благословение?!

А по вечерам Владыка всегда принимал народ или выходил и беседовал со всеми нами. Ведь у каждого было множество вопросов о том, как научиться духовной жизни. И это объяснимо, ведь, чтобы воспринять правильный духовный образ мысли, нужно напитываться тем примером и благословениями, которые подает тебе духовник.

Правда, когда сейчас я вспоминаю, с какими деталями мы прибегали к Владыке, все подробно расспрашивали:

– А вот тут как поступать? А тут..? – я думаю: «Как же он сидел и всех нас терпел?» Но святые отцы говорят, что в духовной жизни мелочей нет, поэтому особенно поначалу, пока не вникнешь, нужно на все спрашивать благословение. К тому же в тот момент все вопросы казались, конечно, не простыми, а настолько важными, что надо было только у Владыки спрашивать.

Игумен Феофан:

– Мы жили все на одном этаже, и Владыка рядом с нами, можно сказать, за стенкой. Под нами из общежития люди приходили и учились музыке, какое-то музыкальное училище, по вечерам пели песни, танцевали – в общем-то покоя, конечно, не давали. И все эти и подобные им «помехи» как-то объединяли нас. Чтобы внутренне не рассеиваться, после тяжелых трудов мы собирались все вместе на кухне (тогда больше негде было): общались, Псалтирь читали. Часто к нам приходил архимандрит Никон.

Собирались, конечно, не все – кто хотел. В основном нас, таких сплоченных, человек пятнадцать было. Послушники, иноки, монахи, все. Времени свободного тогда не было, не всегда и не у всех появлялась возможность читать святых отцов. Поэтому мы собирались по вечерам, делились теми душеполезными «приобретениями» и «открытиями», которые кто-то из нас успел почерпнуть из святоотеческой литературы, рассуждали, как претворить такой опыт в нашу жизнь. Загруженность на всех послушаниях была такая, что читать мы много не имели возможности, но в братском общении вот этот обмен информацией, особенно с комментариями Владыки, приносил нам больше духовной пользы, чем сейчас получаешь от прочитанных томов. Думаю, что в то время каждое слово глубоко усваивалось сердцем.

Очень много поучительного рассказывал Владыка. Пример отца Виталия поддерживал в нас особую ревность к любви, к послушанию, к самопонуждению... Иногда вместе с отцом Никоном мы пели духовные песни, канты. Тогда приходили и матушки: Анна, Анимаиса, Митрофания, Екатерина тогда была еще жива, – все слушали, подпевали. Удивительные были времена, тянулись друг к другу – были едины, как сплоченная семья... Можно сказать, что вот в те первые годы, когда активно из руин возрождалась обитель, пока формировалась братия, мы жили одной душой.

Да, конечно, были и те, кто жил по-своему. Но в большинстве своем все же подбирались люди ищущие, которые в основу своей новой жизни как бы положили чистый лист бумаги и по крупицам напечатлевали на нем воспринимаемый драгоценный опыт монашеской жизни, полагая его для себя как главное руководство. И сердце откликалось! Надо сказать, что «багаж» в те годы был собран весьма значительный. И до сего времени из него извлекается большая польза.

На кухне

Ваш устав – Любовь Христова...

Игумен Феофан:

– В то время в нашей обители часто появлялись люди из других монастырей – уже в подрясниках или даже в постриге. И практически никто из них не мог принять уклад нашего монастыря. Они приходили со своим «уставом», поэтому, как правило, сразу начинали недовольствоваться тем, что наш дух не соответствовал их понятиям. Я помню, сколько требований и претензий они предъявляли Владыке – целые «хартии» ему приносили, где перечислялись все «нарушения»: начиная от того, что нет утвержденного устава, и заканчивая тем, что Владыка по улице ходит в тапочках, а по вечерам поет с братией песни...

И вот тогда, в ответ на требования некоторых насельников учредить в монастыре строгий устав, нам Владыка сказал дорогие слова: «Все вы прежде жили в миру, грешили... И если вы пришли в монастырь, то ваша жизнь должна измениться: из греховной, страстной и порочной – преобразиться в жизнь по примеру Христа, Его Любви. Живите так, как Господь жил на земле среди людей. Ваш главный устав – это любовь, Любовь Христова. Полюбите друзей и врагов, полюбите друг друга. Вот вам устав».

Эти слова настолько «врезались» в мое сердце, что всю свою дальнейшую жизнь я старался этот устав нести. Ведь, действительно, если нет любви, то все «подвиги» тщетны... В обычной жизни среди людей в основном царит дух скрытого озлобления, холода друг к другу, поэтому в любой среде можно столкнуться с бездуховностью, ожесточением, подозрительностью...

Игумен Трифон:

– То, как жил архимандрит Никон, конечно, невидимо притягивало: такой образ отношения к Богу и ближним очень увлекал и хотелось научиться жить так же. В своем служении, в исполнении заповедей и обетов, данных Богу, он всегда руководствовался примером отца Виталия и Владыки Зиновия. Отец Никон мало говорил, но его поступки говорили сами за себя. Хотелось научиться различать каждый «штрих»: почему он поступает так или иначе. Мы старались вслушиваться и всматриваться в его жизнь, чтобы понять, как нужно относиться к людям, как прощать, как терпеть, как любить, как быть снисходительным к немощам и покрывать их... Одно дело – прочитать теорию в книге, а как это воплощать в жизнь – не всегда понятно. Например, как прощать человека: в каких случаях просто простить, а в каких, ради назидания, надо бы и наказать? А, может, наоборот: здесь надо наказать, а здесь – простить...

Владыка жил очень скромно. Его комната была разделена ширмой – за ней он ночевал, а с другой стороны в течение дня принимал людей. И уже это говорило о многом. Ведь, конечно, ему по статусу мог полагаться и отдельный кабинет, и другие условия. Но он жил среди нас, и условия для всех были одинаковы. А бывали случаи, когда в монастырь приезжало так много людей, что Владыка благословлял располагать и в своей келье. Конечно, сейчас, когда прошло время, уже понимаешь, что все эти нюансы многому учили тех, кто хотел учиться...

Игумен Феофан:

Помню, был такой момент. Я пришел к отцу Никону и говорю:

– А можно мы с Сережей будем друг за друга молиться? Он за меня, а я за него – вымаливать будем друг друга.

Владыка улыбнулся и говорит:

– Надо за всех молиться. Что же получится, если я буду молиться за всех вас, а вы – каждый за себя?

– А как за всех молиться?

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных.

Но тут я опять проявил хитрость:

– Отец Никон, а можно мне так молиться: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного и всех нас»?

Владыка заулыбался и говорит:

– Ну ладно, молись.

Конечно, тогда он видел, что мы, новоначальные, не имели должной христианской любви и в первую очередь думали о себе. И поэтому так он потихоньку нас учил заботиться не только о своем спасении, но и о спасении ближних.

Братия монастыря, 1994 год

Утреннее правило. Братия читают акафист.

Необыкновенно красиво и таинственно, когда на полунощнице братия в монашеских облачениях выстраиваются в два ряда, друг напротив друга, и поют «Се Жених грядет в полунощи...» В этот момент храм освещается лишь огоньками лампад и немногих свечей – душа наполняется благоговейным трепетом. После полунощницы начинается чтение акафиста Пресвятой Богородице... И тогда наступает время, когда живые примеры заставляют молодежь проснуться и серьезно поговорить со своей совестью и о саможалении, и о нерадении, и о стульчике: ведь на середине храма, лишь немного опираясь на деревянный посох, в одном ряду со своими собратиями стоит 90-летний схимонах Феодосий...

Он встал в строй братии святой Задонской обители в 1989 году и до сих пор не покинул свою «вахту». Из первого состава братии сегодня в монастыре осталось лишь двое: схимонах Феодосий и монах Лаврентий. Остальные насельники тех лет (их было всего восемь человек) со временем покинули охрану местных духовных рубежей. Вспоминая о давности тех событий, отец Феодосий пошутил: «Получилось, что я дважды ветеран: Великой Отечественной войны и Задонского монастыря...»

Диалог с совестью...

Чтобы обитель процветала, чтобы Божие благословение было во всем, должна быть общая молитва всех во Христе братий и сестер. Одним из «штрихов к портрету» верности монаха Богу является исполнение им установленного в монастыре порядка. Каждый монастырский день начинается с утреннего правила. В нашей обители братия собирается на молитву к шести утра. Для «зрелых» людей столь ранний подъем еще доступен, но для многих молодых, быть способным предстать в это время пред Богом на молитву – серьезное испытание, которое требует решительной войны со своей «многострадальной» плотью. Поэтому бывают случаи, когда во время утреннего правила, кто-то, побеждаемый своими немощами, пытается «творить» молитву, устроившись на стульчике в каком-нибудь дальнем уголке храма...

«Все, обретенное с болезнью сердца, хранится тщательно»

Схимонах Феодосий:

– С детства я знал, что Бог есть. Несмотря на безбожную действительность тех лет, в нашей семье вера все же сохранялась, но в храм тогда особо возможности ходить не было. Родители, понимая, что советская власть от диавола, в колхоз не вступали. А семья-то большая: девять человек детей...

В нашей местности тогда жил старец Федор. Человек этот был глубоко верующий и действительно прозорливый. Еще до войны он часто приходил к нам в дом. Родители очень уважали его и всегда прислушивались к его слову. Когда началась война, мой отец

сказал: «Вот придет старец Федор, я у него и спрошу. Если скажет идти на войну – пойду, если нет, то останусь». Старчик пришел не задолго до того, как в наших местах объявились немцы. Отец задал ему вопрос, а тот без слов вынул из своего мешка новенькие кальсоны, рубашку и говорит:

– Вот тебе, Вася, белье новое. Ты его только по праздникам надевай.

– Это ты к смерти мне дал?

А он ему ничего не ответил: ни слова ни полслова. Мы с братом тоже «в бой» рвались. Брат-то постарше, а мне в 1941 году только шестнадцать лет исполнилось, но я уже считал, что «мужик» и должен постоять за Отечество. Мать, конечно, забеспокоилась:

– Вот у меня два сына – как они? Останутся ли они живы?

Он ответил:

– Старший чем дальше будет жить, тем больше будет грешить. А младший, если будет Бога помнить – будет жить.

Старец Федор не рассказывал «почему и отчего». Скажет два-три слова и все. Так и получилось: отец остался под Берлином – его убили пятого мая 1945 года, брат погиб раньше, а меня Господь оставил в живых. В начале 1942 года мне исполнилось семнадцать лет, я ушел на фронт и прошел всю войну без серьезных ранений. Бога я, конечно, помнил, но особых молитв тогда не знал. Поэтому всегда читал «Отче наш...» Но, когда готовился к отправлению на фронт, в письме попросил мать прислать мне 90-й псалом «Живый в помощи» и очень ждал ответа. Получаю, гляжу – на конверте штамп стоит: «Проверено. Военная цензура». Думаю: «Ну, все! Наверное, не дошла ко мне молитва...» Открываю, гляжу – цела! Даже цензуру «прошла». Господь сохранил – верующие же люди всегда были.

Я этот, написанный рукой матери, псалом зашил в погон. Сначала в правый, но подумал: «Нет, это же оружие на правое плечо класть нужно, стрелять... Так не пойдет, грешно так», – и переложил в левый погон. С ним я прошел всю войну. Удивительные случаи были: даже когда по мне на открытом пространстве вели обстрел из автоматов трассирующими очередями, меня ни одна пуля не задела.

Правда, на контузию я уже сам напросился, как в песне поется: «Мечты мои сбылись в походах боевых...» Так и со мной произошло. Как говорится: «Просите и дастся вам...» Я смотрел на наших бойцов: только пришел, две недели – и уже ранение. А я себе и думаю: «Ранение не хотелось бы, а вот контузию – можно». Вскоре, когда мы брали Пилау, наша самоходка попала в воронку и встала «на дыбы», как зенитка, пробуксовывает – и ни с места. Командир говорит: «Давай, немного подкопай, она сама встанет». Я наводчиком был, но вылез и начал подкапывать. В это время наши пошли в наступление, а немцы открыли ураганный огонь из всех видов оружия. Как начали бить! Снаряды, как дождь, падали. Я встал и остолбенел, смотрю – падают то с одной стороны, то с другой, то с третьей. Я этим разрывам снарядов только и успевал «кланяться». Потом – мысль: «Ложись!» Падаю на землю, а рядом снаряд – фьють! Землей меня почти полностью засыпало – еле откопали. Вот так и выпросил у Бога контузию...

Везде повоевать пришлось: сначала на севере – с финнами, затем наши танковые войска перебросили в Германию, где начался прорыв фронта, а это – каждый день, как на передовой. Затем – с японцами...

Пришел с войны, начал работать шофером. Через пять лет женился, жил, ни о чем особо не задумываясь. В возрасте 34 лет обнаружилась во мне болезнь. Была у нас бабушка, к которой часто за советом обращались люди. Я пошел к ней. Она и спросила:

– Ты в церкви давно был?

– Я там лет тридцать уже не был...

– Так иди в храм и покайся... – и благословила меня старинной иконой Божией Матери.

Теперь я уже понимаю, что тогда, в храме, по молитвам Царицы Небесной моего сердца коснулась благодать Божия: я как бы прозрел, у меня сразу потекли слезы, мучившая меня боль отступила и было такое особое чувство сокрушения в сердце... Я плакал, слезы катились градом: «Почему же меня родители не били кнутом и не гнали в храм?! Сколько же времени я потерял! Теперь пусть хоть весь мир восстанет, но я буду в Церкви...»

Я очень хорошо помню это состояние сердца. И даже сейчас, когда вспоминаю то чувство – на глаза наворачиваются слезы.

С тех пор я начал посещать Богослужения, читать Священное Писание, стараться жить по-христиански. А «мир» все же восстал – в первую очередь, в лице моей жены: «Никто не ходит! Один ты, дурак, в церковь ходишь!» И начала она таскать меня по врачам и психиатрам: «Он, – говорит, – чокнулся». Разлад у нас пошел с ней серьезный, да и люди начали смотреть на меня, как на ненормального. Но я стоял на своем.

У меня была одна книга, изданная еще в XIX веке. Из нее я начал немного узнавать о монастырях и постепенно заинтересовался монастырской жизнью. Поговорить об этом было не с кем, и однажды я решился подойти с вопросом к нашему приходскому священнику:

– Правда ли, что в монастыре едят лишь хлеб да воду?

– А ты что, хочешь в монастырь?

Я, конечно, уклонился от прямого ответа:

– Интересно узнать, какие там порядки...

– Идти в монастырь равносильно, что в тюрьму. Только в тюрьме с ружьем тебя охраняют, а там – ты добровольный невольник. Кто живет в монастыре, тот может делать лишь то, что ему благословит игумен, а не то, чего ему захочется...

Ответил он мне тогда, конечно, грубовато. Но от его слов мое желание только укрепилось. И вот, в 1973 году я, ничего не сказав дома, впервые направился в Псково-Печерский монастырь, а по пути побывал в Загорской обители. Меня поразило, сколько в этих монастырях было молящихся! На службах народу – «как селедки в бочке». В Загорске я пробыл недолго, а вот в Печорах задержался на полгода, до тех пор пока родственники не подали в розыск...

Глубоко в душу мне запала жизнь монастырская. В каждой обители я спрашивал, принимают ли к ним таких, как я, но, видно, в тех монастырях не было на меня Воли Божией... И чтобы понять, как жить дальше, после первого посещения Печор я направился к одной прозорливой матушке, домик которой находился неподалеку от монастыря. Семь километров шел к ней пешком. Вопросы у меня были на листочке записаны: «Ухожу в мир. Как мне в миру жить? И можно ли оставить мать, чтобы уйти в монастырь?» – сам я ничего не спрашивал, а матушка сначала помолчала, после пропела мне несколько псалмов из Псалтири и затем сказала: «Шел Иисус Христос по берегу моря Галилейского, увидел двух, починявших сети, и сказал: «Грядите за мной». Они оставили отца и мать и пошли за Ним». В ее словах для себя я нашел все ответы и с тем уехал домой.

Было ясно, что семейная жизнь осталась уже в прошлом. Пожил я немного дома и опять отправился странствовать по монастырям: Загорск, Печоры, Почаев... В то время у паломников не всегда была возможность даже переночевать в монастырских стенах. Но меня это не смущало, ночевал где придется: и на полу, а в летнее время – прямо на лавках возле ограды... Все бы ничего, но только милиция гоняла. Раньше тех, кто не работает более трех месяцев, по акту на полтора года принудительно отправляли в Коми ССР на повал леса. Нельзя было не работать. Да и постоянного паспорта у меня не было, только военный билет. В то время не выдавали паспорта, чтобы люди не разбегались из колхозов. Так я и ездил из монастыря в монастырь: поживу несколько месяцев, чувствую, что милиция на меня уже поглядывает, и еду дальше. Поживу дома два-три дня – и в путь. Так более десяти лет я странствовал по монастырям. Денег мне хватало – пенсию получал как ветеран и офицер. Потом вернулся в Воронеж и начал строить маленький домишко, чтобы все же иметь какой-то свой отдельный угол.

Шел 1989 год. Я был прихожанином Покровского храма в Воронеже. И вот однажды одна знакомая подошла ко мне после Богослужения с вопросом:

– Ты не поедешь в Задонск?

– А зачем?

– Там ведь монастырь открывается, а я пошила скатерть на Престол, хотела с кем-нибудь передать...

И я согласился. Думаю: «Поеду, погляжу – какой там монастырь».

Я приехал, а вокруг, конечно, разруха: заводы, суета, храм без крестов в запустении... Даже и голову преклонить негде, но мне-то не привыкать... Приняли меня, потрудился немного – как сейчас помню: мы батареи подвешивали, ведь даже отопления не было – и собрался в путь. Первым наместником здесь был архимандрит Иосиф, перед отъездом он сказал мне: «Ты приезжай, когда зима пройдет, а то у нас сейчас и жить-то негде». Тогда я подумал: «Наверное, приехать он меня ради приличия пригласил...» Но, когда пришла Пасха, я вновь приехал в Задонск. Отец наместник встретил со словами: «А мы тебя ждем». Помню, я так удивился: «Неужели меня ждут в монастыре?»

Получив долгожданное благословение, я собрал вещи и приехал сюда навсегда. И вот, вероятно, Господь вновь подал мне знак о том, что именно здесь мой путь. Здесь, в Задонской обители, меня опять посетило такое же чувство, как тогда, почти тридцать лет назад, в храме, где я всем сердцем сокрушался о том, что так долго шел к Богу, и со слезами обещал Ему больше не покидать Его Церковь...

Помню, что первое время, несмотря на полную неблагоустроенность быта в возрождающейся обители и сложность пути «первопроходцев», я постоянно чувствовал тихую радость... И в ней было всё: и благодарность, и покаяние, и сердечный трепет от возможности жить в послушании у монашествующих и предстоять Богу в числе братии монастыря. Я понял: Господь вывел меня на прямой путь и это доверие нужно будет оправдывать каждый день...

А в послушании я стремился жить еще до прихода в Задонск. У меня уже было понятие о том, как много оно значит не только в монастырской жизни, но и для любого христианина. Откуда в обители возьмется единодушие, если нет послушания, если каждый живет по своей воле? В монастыре правильным духом напитываются от духовника, а если ты пришел и живешь по своим понятиям – это ошибочный путь. Своим умом, поврежденным мирским духом, новоначальный не сможет понять, как идти правильно, но будет упираться и думать, что он «прав».

Когда, еще в 70-х годах, я паломничал в Псково-Печерскую обитель, там наместни-

ком был, ныне уже покойный, архимандрит Алипий. Так вот, приходящим в монастырь он говорил прямо: «Вы пришли сюда добровольно или вас кто-то заставил? Так будьте добры – слушайте, что вам говорят! Ваше «хорошее» мне не нужно, вы исполняйте мое «плохое». Если переступили через порог, все свое мирское забудьте, оставьте за порогом...»

Надо слушать и в точности исполнять то, на что тебя благословили. Многие говорят, что монастыри были другими, но раньше и послушники слушали своего авву. Хорошо известен такой случай: авва воткнул палку в землю и сказал своему послушнику: «Поливай». И тот ее безропотно поливал три года – так она зацвела! А современный послушник смеется и говорит: «Как она зацветет, если она сухая?!» Если он не верит, что через духовника его благословляет Сам Господь, то ничего доброго из него на монашеском пути не получится. А верить надо обязательно. Только так! Если будет вера, тогда появятся и плоды послушания. Если пришел на этот путь в монастырь, надо все «свое» оставить за порогом и с верой приступить к деланию своей новой души. Новой жизни нужно учиться, нужно учиться мыслить по-другому. Поэтому раньше в сознании людей послушание ставилось превыше всего – превыше поста и молитвы.

Монастырь – это наш дом...

Игумен Трифон:

– Владыка всегда говорил, что монастырь – это наш дом. Поэтому и нести ответственность за его благополучие должен каждый. В монастыре нет личных дел – здесь все дела складываются в одно общее дело, и цель должна быть тоже общей. Например, если сегодня твой рабочий день окончен и ты выполнил свою задачу по послушанию, пойди и посмотри – не нужна ли где-нибудь твоя помощь? Так мы и жили. Ответственность за любое дело на всех уровнях была общая... Здесь не играло никакой роли, кто ты: игумен, иеромонах, диакон или послушник, – здесь все были равны, поэтому и послушания все были, действительно, общими.

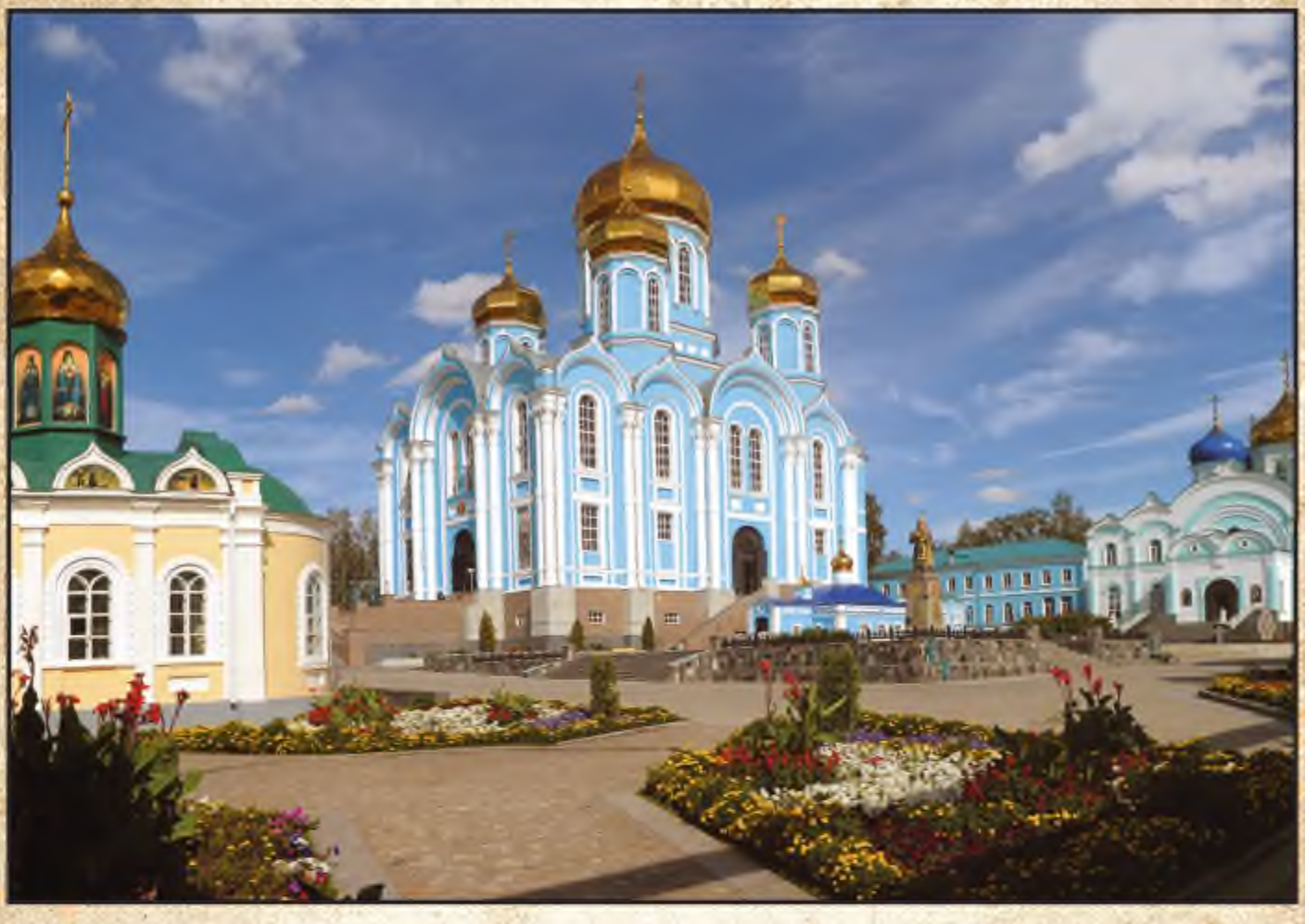
Схимонах Феодосий:

– Когда монастырь перешел под руководство архимандрита Никона, жизнь потихоньку «завертелась»: начались активные работы. Поэтому многие послушания были общими. Поначалу нас и десяти человек не было, а работы – не початый край. Владыка везде трудился с нами. Невозможно передать, сколько в те годы мы вместе разгрузили кирпичей, плит, досок... Миллионы кирпича переворочали! На разгрузку выходили абсолютно все: и Владыка, и братия, и матушки, – из рук в руки передавали его и аккуратно складывали. Потом, конечно, люди стали прибавляться, но все равно – все и везде делалось совместными усилиями.

Владыка Никон:

– Слава Богу, в этом святом месте святитель Тихон помогает людям обрести крепкую веру, выйти на путь истинный, который заповедовал нам Господь: *«Я есмь путь и истина и жизнь»* (Ин 14:6). Постепенно все же подбиралось в монастыре надежное «ядро» людей единомысленных, искренне радеющих о судьбе нашей обители, о служении Богу и ближним – это глубоко и сознательно верующие люди, которые здесь обрели для себя родной дом, и поэтому это святое место они ни на какое другое не поменяют.

Господь послал мне надежных помощников. В те годы в строительных работах я во многом полагался на монаха Исаакия (ныне он – иеромонах). Из с. Павловка, где мне прежде пришлось служить на приходе, я забрал с собой двух прихожан: будущих монахов Зосиму (ныне он – иеродиакон) и Савватия (ныне он – игумен). Вначале отец Савватий занимался столяркой, а позже стал экономом монастыря. Водителем нашим длительное время был иеродиакон Зосима. С ним мы много времени проводили в дороге: ездили по предприятиям и организациям, добывали все необходимое для Богослужений, бытовых нужд и строительства. Вскоре в монастырь пришел отец Трифон – он стал моей «правой рукой» в управлении монастырем, сейчас он игумен и благочинный обители.



Готово сердце мое, Господи...

Монашество – это сугубый, усиленный подвиг, в котором выковывается характер православного христианина. Поэтому монашеский путь – для людей верных, с мужественным сердцем, глубоким чувством ответственности, крепостью убеждений и твердой волей. Прежде, чем давать обеты Богу, нужно задуматься, готов ли ты всю жизнь полагать многие усилия, чтобы стать истинно верным, полюбив Господа в той мере, когда исполнение Его Воли становится твоим внутренним законом и святой, искренне желанной необходимостью.

Верность Богу предполагает цельность души. Она появляется тогда, когда мы научимся преодолевать двойственность наших внутренних мотивов, побеждая лично-эгоистические устремления, всецело и окончательно отдаваясь Божиему Делу. Когда человек приобретает духовную целостность, то центром всех его стремлений становится Господь, и лишь в таком случае мы можем говорить о верности Ему.

17 августа 1991 года состоялся первый монашеский постриг. К принятию ангельского чина готовились трое послушников: Иоанн Зибров, Геннадий Корнев и Василий Григоров. Всенощное бдение в монастыре совершал архимандрит Никон. Когда хор окончил петь великое славословие, насельники монастыря стояли в два ряда от притвора до солеи со свечами в руках. Свет погасили. Трое постригаемых в белых рубашках, босые, с распущенными волосами встали в конце храма. Когда хор запел «Объятия Отча...», они опустились наземь и друг за дружкой стали ползти. Постригаемые трижды останавливались и ложились крестообразно во образ сораспятия Христу.

Наконец, на солее перед открытыми Царскими вратами, где стоял архимандрит Никон, они легли в ряд, ожидая его слова. Он велел им встать и вопросил согласно чину:

– Почто пришли есте, братия, припадая ко святому жертвеннику и ко святей дружине сей?

Они отвечали:

– Желая жития постнического, честный отче.

Претерпиши ли всякую тесноту и скорбь монашеского жития, Царствия ради Небесного?

– Желаете ли сподобитися Ангельскому образу и сочетатися в лик монашествующих?

– Ей, Богу содействующу, честный отче.

– Воистинну добро дело и блаженно избрали есте, но аще и совершите е, добрая бо дела трудом стяжаваются и болезнию исправляются. Вольною ли твоею мыслию приступаеши ко Господу?

– Ей, Богу содействующу, честный отче.

– Не от некия ли нужды или насилия?

– Ни, честный отче.

– Отрицаеши ли ся мира и сущих в мире, по заповеди Господней?

– Ей, честный отче.

– Пребудеши ли в монастыре сем и в постничестве, даже до последняго твоего издыхания?

– Ей, Богу содействующу, честный отче.

– Сохраниши ли себе в девстве, и целомудрии, и благоговении даже до смерти?

– Ей, Богу содействующу, честный отче.

– Сохраниши ли даже до смерти послушание к предстоятелю и ко всей во Христе братии?

– Ей, Богу содействующу, честный отче.

– Пребудеши ли до смерти в нестяжании и вольней Христа ради сущей нищете, ничтоже себе самому стяжавая или храня, разве яже на общую потребу, и се от послушания, а не от своего произволения?

– Ей, честный отче, пребуду, Богу споспешествующу.

– Претерпиши ли всякую тесноту и скорбь монашеского жития, Царствия ради Небесного?

– Ей, Богу содействующу, честный отче.

Когда они так отвечали, архимандрит Никон предупредил:

– Виждь, чадо, каковая обетования даеши Христу, Ангели бо предстоят невидимо, написующе исповедание твое сие, о немже и истязан будеши во Второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа.

После сей молитвы отец Никон вопросил в последний раз:

– Сия вся тако ли исповедаеши упованием силы Божия, и в сих обетех пребывати обещаеши ли ся даже до кончины живота твоего, благодатию Христовою?

– Ей, Богу содействующу, честный отче.

Только после этого архимандрит возгласил:

– Благословен Бог, всем человеком хотяй спастися и в познание истины приити, всегда, ныне, и присно, и во веки веков.

Братия пропела:

– Аминь.

Отец Никон стал читать молитвы из чина пострига, затем снова, обращаясь к постригаемым, прочел, что подобает им соблюдать в жизни монашеской и от чего отвращаться.

Наконец, взяв ножницы с Евангелия, лежащего на столике посреди открытых Царских врат, отец Никон бросил их на пол со словами:

– Возьми ножницы и подаждь ми я.

Каждый из послушников, Иоанн, Геннадий и Василий, трижды, целуя руку архимандрита, подавал ему ножницы.

Отец Никон, возложив руку на голову впереди стоящему брату Иоанну, произнес:

– Брате наш Зосима постригает власы главы своея в знамение отрицания мира и всех, яже в мире, и во отвержение своея воли и всех плотских похотей во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

С этими словами он крестообразно постриг его волосы[2].

Другим двум братьям при постриге даны имена: Геннадию – Савватий, Василию – Феодосий.

Благословляя белые хитоны, надетые на них, архимандрит говорил:

– Братья наши, Зосима, Савватий и Феодосий, облачаются в хитон вольной нищеты и нестяжания и всяких бед и теснот претерпения, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Потом на каждого надевался параман и деревянный крест на перси во всегдашнее воспоминание поругания, биения, распятия и смерти Господа нашего Иисуса Христа.

---

[2] Пострижение волос и перемена имени установлены Церковью Христовой не случайно, не всуе, но в ознаменование того, что человек, над которым это совершено, не считается больше мирянином, и как воин Христов призван строго блюсти иноческий устав и позабыть все мирские пристрастия.

Затем подавалось первое черное монашеское одеяние – подрясник, в который облачались, как в ризу праведности и радования, во утверждение в плаче о грехах и отвержение мира.

Поясом препоясывались бедра силою истины во умерщвление тела (отсечение похотей плоти) и обновление духа, ради целомудрия и чистоты.

В рясу облачались, как во одежду нетления и чистоты, веселия и радости духовной, во отложение и попрание всех печалей и смущений, от бесов, от плоти и от мира находящих.

В мантию облекались, как в ризу спасения и в броню правды, во ограждение от всякого зла и козней диавольских, своея воли отсечение и в память смертную.

Клобук одевался на главу, как шлем спасения и непостыдного упования на помощь Божию.

Четки благословлялись с заповедью день и ночь подвизаться в молитве Иисусовой, присно глаголя: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго».

Ноги обувались в сандалии во уготование благовествования мира, а в руки давался Крест со словами из Святаго Евангелия: «Аще кто хощет душу свою спасти, да отвержется себе, и возьмет Крест свой, и по Мне грядет».

Зажженная свеча вручалась, как образ добродетельного жития: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая дела ваша и прославят Отца вашего, Иже есть на Небесех».

Каждая часть монашеской одежды[3] возлагалась на постриженников с пением троекратного «Господи, помилуй».

Запели: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся». Отец Никон прочел Святое Евангелие.

В конце чинопоследования, благословив новопостриженных монахов на этот путь, архимандрит Никон дал им наставление. Когда он ушел в алтарь и Царские врата затворились, братья стали по очереди подходить к каждому новопостриженному, спрашивая:

– Что ти есть имя, брате?

– Недостойный монах Зосима.

– Спасайся о Господе! Христос посреди нас.

Всю ночь новопостриженная братия провела в храме: в молитве и чтении Псалтири. На следующий день они всю Литургию стояли на солее перед алтарем с зажженными свечами. Причастились Святых Христовых Тайн.

[3] Облачение монаха называется одеждой покаяния, потому что убога и худа, лишена всего, что люди почитают хорошим. Не имеет ничего, что могло бы возбудить мирские помышления, слова и действия. Потому она и бывает всегда черного цвета, что напоминает монаху смерть и плач, обязует его обитать духом не в здешней жизни, а желать всегда жизни нетленной и ускорять течение к ней. Одежды эти длинные, закрывающие тело, что означает духовную защиту от невидимых «стрел» врага рода человеческого. Однако Церковь не сомневается именовать такую одежду ризой радования, быв уверена словом Божиим, что одежда плача истлеет и небесной радостью утешатся те, которые носили ее здесь с исполнением своих обетов, данных при постриге.

Братия обители, 1993 год

Надежда и благодарность...

Владыка Никон:

– Я благодарю Бога – сегодня в нашем монастыре появилось значительно больше тех людей, которые многими трудами, молитвами, послушанием и самоотречением с любовью разделили со мной ответственность за нашу обитель. Своим служением они стремятся быть верными Христу, быть верными нашему монастырю, ежедневно отдавая частичку своей души на созидание святой обители и ее духовной жизни.

Я искренне верю, что все остальные насельники нашего монастыря еще проходят искус духовного становления. Особый Промысел привел их сюда и это доверие нужно оправдывать и не забывать о той ответственности, которую мы ежедневно несем пред Богом не только за поступки, но даже за мысли, чувства и желания. И пусть иногда у них пробивается ропот, где-то недовольство, но все равно со временем, если утвердится в их жизни самопонуждение, терпение и послушание воле Божией – в горниле испытаний Господь очистит «золото» их душ... И богоугодными делами своей жизни они обязательно оправдают свой путь.

РАВНОАНГЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Протоиерей Евгений Шестун

Таинство брака возвращает человеку полноту бытия. Ева была взята от Адама, и тем самым была нарушена полнота его бытия. Человек чувствует себя в истинном браке полноценным: *«две плоти»* становятся едиными (Быт 2:24), если говорить, народным языком, «две половинки нашли друг друга, соединились в целое». В связи с этим я много думал: что же такое монашество? Почему монахи не ищут этой полноты? Чем она у них восполняема? К тому же, говорят, что нет различий между мужским и женским монашеством. Для меня все это было тайной и загадкой, пока я с этим очень близко не встретился.

Следуя мирской логике, восполнение обязательно должно быть, оно необходимо. С этой точки зрения монашество рассматривается как восполнение своего бытия Богом, то есть как особая разновидность брака. Такое мнение достаточно распространено, и для примера приведем слова игумена Илариона (Алфеева), ныне митрополита: «Есть нечто существенно общее между браком и монашеством. Это не два противоположные пути, но два пути, которые во многом близки один другому. Человек как индивидуум – существо не вполне полноценное, он реализуется как личность лишь в общении с другим. И в браке восполнение недостающего происходит через обретение второй «половины», второго «я», через обретение «другого». В монашестве этим «другим» является Сам Бог. Тайна монашеской жизни заключается в том, что принявший монашество целиком ориентирует свою жизнь на Бога. Человек сознательно и добровольно отказывается не только от брака, но и от многого другого, доступного обычным людям, чтобы максимально сосредоточиться на Боге и посвятить Ему всю свою жизнь, все свои помыслы и дела. И в этом смысле монашество близко к браку».

Когда я стал читать творения старцев о монашестве, то убедился, что монашество – на самом деле великая тайна. Если вы возьмете «Книгу для монашествующих и мирян», оставленную архимандритом Иоанном (Крестьянкиным), то в предисловии прочтете первые строки: «Монашество – великая Божия тайна. И для тех, кто дерзает вступить в эту святую тайну и приобщиться к истинному духу иночества, на все времена сохранил Господь в писаниях опыт Отцов, которые прошли этим путем в радость Вечности».

В письме к брату «О монашеском постриге» епископ Серафим (Звездинский) попытался выразить невыразимое: рассказать, что происходит с человеком, когда совершается монашеский постриг. Прочтем начало этого письма: «Дорогой, родной мой брат! Христос посреди нас! Только что получил твое теплое, сердечное письмо, спешу ответить. Та теплота, та братская сердечность, с которыми ты пишешь мне, до глубины души тронули меня. Спасибо тебе, родной мой, за поздравления и светлые пожелания. Ты просишь, чтобы я поделился с тобой своими чувствами, которыми я жил до времени пострижения и последующее святое время. С живейшей радостью исполняю твою просьбу, хотя и нелегко ее исполнить. Как выражу я то, что переживала и чем теперь живет моя душа, какими словами выскажу я то, что преисполнило и преисполняет мое сердце! Я так бесконечно богат небесными, благодатными сокровищами, дарованными мне щедродарительною десницею Господа, что правда не в состоянии сосчитать и половины своего богатства.

Монах я теперь! Как это страшно, непостижимо и странно! Новая одежда, новое имя, новые, доселе неведомые, никогда неведомые думы, новые, никогда не испытанные чувства, новый внутренний мир, новое настроение, все, все новое, весь я новый до мозга костей. Какое дивное и сверхъестественное действие благодати! Всего переплавила она меня, всего преобразила...

Пойми ты, родной: меня, прежнего Николая (как не хочется повторять мирское имя!), нет больше, совсем нет, куда-то взяли и глубоко зарыли, так что и самого маленького следа не осталось. Другой раз силишься представить себя Николаем – нет, никогда не выходит, воображение напрягаешь до самой крайности, а прежнего Николая так и не вообразишь. Словно заснул я крепким сном... Проснулся, и что же? Гляжу кругом, хочу припомнить, что было до момента засыпания, и не могу припомнить прежнее состояние, словно вытравил кто из сознания, на место его втиснув совершенно новое. Осталось только настоящее – новое, доселе неведомое, да далекое будущее. Дитя, родившееся на свет, не помнит ведь своей утробной жизни, так вот и я: пострижение сделало меня младенцем, и я не помню своей мирской жизни, на свет-то я словно только сейчас родился, а не двадцать пять лет тому назад. Отдель-

---

[1] Настоящая публикация – фрагмент лекции, прочитанной протоиереем Евгением Шестуном в Саратовской Духовной семинарии в 2003 году. В тот период протоиерей Евгений – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой православной педагогики Самарской Православной Духовной семинарии – был настоятелем самарского храма в честь прп. Сергия Радонежского. Спустя год, по благословению правящего архиерея, он принял монашеский постриг с наречением имени Георгий. Ныне архимандрит Георгий возглавляет Заволжский монастырь в честь Честного и Животворящего Креста Господня.

ные воспоминания прошлого, отрывки, конечно, сохранились, но нет прежней сущности, душа-то сама другая...»

Стали принимать монашество мои духовные чада, которых я знал помногу лет. Сам я не монах и, присутствуя на постригах, только со стороны мог наблюдать, что происходит с людьми, которых я хорошо знаю и люблю. Я увидел, что на самом деле происходит великое таинство: в монашестве умирает человек, но рождается Ангел. И один из первых вопросов, который задается при постриге, звучит так: «Желаешь ли сподобиться Ангельскому образу инокующих?» Монах – это Ангел во плоти.

Ангел – существо бесполое, а раз он бесполый, то может жить вне брака, он не требует земного восполнения. Поэтому монашество не следует уподоблять браку. Это великое таинство. Афонский старец Ефрем Катунакский говорил, что монахи восполняют число Ангелов, заменяя ангелов падших. В «Слове, произнесенном Старцем на постриге монахини...» он сказал: «Как назвать то, что мы видели сегодня? Ни перо, ни земной язык не могут выразить этого таинства. Велико и не исследовано честное таинство монашеского пострига... Сестра наша Никифора! Возрадовались Ангелы на твоем сегодняшнем постриге, потому что увидели тебя входящей в их лик. Опечалились демоны, возрыдались плачем великим, потому что ты заняла то место, на которое до падения были поставлены они... О! Никифора, Никифора, велика твоя благодать, земной Ангеле Никифора!»

Вы можете улыбаться, потому что монахов видели и знаете, можете говорить: «Рассказывай нам, батюшка, рассказывай, мы про них все знаем». Но я вам хочу сказать, что плотская природа остается, духовная брань не упраздняется: мир борется с Ангелом внутри монаха, но мир никогда этого Ангела уже не победит. Рано или поздно, пройдет десять лет, двадцать, но все равно Ангел победит природу. Ангельское в монахе возьмет верх, оно неистребимо уже, как образ Божий в человеке. Я бывал на Афоне, встречал там монахов, про которых разные истории об их «похождениях» рассказывали. Но проходило пять-шесть лет, и когда мы приезжали снова, то видели, что они становятся Ангелами, молитвенными, благоговейными. «Невидимая брань монаха состоит в том, – по словам старца Ефрема Катунакского, – чтобы победить внутренние страсти, самого себя. Вначале встретишь ветхого человека, подобно Голиафу, но дерзай! Придет благодать, и поднимешься над страстями, над самим собой и увидишь другого человека, подобного новому Адаму, с другим духовным горизонтом, другим духовным одеянием, другой духовной пищей».

Как может монах падать? Если он согрешает, если он падает, человеком он все же уже не сможет стать, ведь он – Ангел. Монашеские обеты даются только один раз. И когда монах сам слагает с себя иноческие одеяния и даже вступает в брак, согласно каноническим правилам Церкви он продолжает оставаться монахом, но монахом падшим. Мы должны понять, что монах может быть

падшим, а может быть вовсе отпавшим от Бога. Тогда кем монах становится? Отпавший ангел – бес. Отпавший монах становится бесом. Вот это страшно!

На первый взгляд любой верующий человек мало чем от монахов отличается, но вы заметьте, как они молчат. Они уже умеют молчать, в отличие от нас. Монахи получают дар молитвы. У них лик обращен к Богу, а не к миру. Они стремятся к уединению, им хочется закрыться, у них уже идет молитва. Вы всмотритесь в монахов: их сразу можно узнать, они от нас отличаются.

Есть еще одна тайна: человек не может сам выбрать монашество. Только монахи могут выбрать человека для монашества. Кто благословляет на монашество? Опять монахи. Ангелы выбирают себе восполнение. Только они могут говорить: «Идем, вот ты! Идем к нам – ты готов». Ни один человек из мира, даже особо духовный, не в состоянии благословить на монашество, он может согласиться, понять, но не благословить...

Благословение родителей имеет большую духовную силу, но даже православные родители теряются перед тайной монашества. При постриге не требуется согласие и благословение родителей, точнее, этот вопрос даже и не возникает. Жития святых и жизнеописания подвижников православия свидетельствуют о том, что большинство из них шли на монашеский постриг без благословения родителей. Родители удивляются: «Как такое может быть?» Воюют часто. Но ведь чадо к Богу идет! Радоваться надо!

Ангелов выбирают Ангелы. Это дело монахов: выбрать готового к иной жизни и постричь его. Это монашеское священнодействие. А что должен делать избранный? Его дело сказать, помните, какие слова? – *«Се, раба Господня; буди мне по глаголу твоему»* (Лк 1:38).

Когда человек готов к монашеству? Когда он не откажется. Не потому, что он осознает, что готов, не оттого, что он собрался, а готов тогда, когда пришли к нему и сказали: «Идем!», – и он ответил: «Иду!» Именно в этот момент и происходит выбор. Это удивительно! Ему говорят: «Сейчас, сейчас!» – «Почему не вчера? Почему не завтра? Что будет?» – «Надо сейчас!» Я спрашивал: «Почему?» – «Ты не поймешь», – отвечают.

В монашестве есть дар, который человек, как драгоценную жемчужину, уже никогда ни на что не променяет. Если бы все это узнали, мы бы все туда побежали. Но Господь не всем это дает понимать. Как писал священномученик епископ Серафим (Звездинский) своему брату: «Кратко скажу тебе, родной мой, о моей теперешней новой, иноческой жизни, скажу словами одного инока: "Если бы мирские люди знали все те радости и душевные утешения, кои приходится переживать монаху, то в миру никого

бы не осталось, все ушли бы в монахи, но если бы мирские люди наперед ведали те скорби и муки, которые постигают монаха, тогда никакая плоть никогда не дерзнула бы принять на себя иноческий сан, никто из смертных не решился бы на это". Глубокая правда, великая истина...»

Почему Православной Церковью руководит монашество? Потому что Церковь можно доверить только Ангелам, а не людям. Вот Ангелы и руководят. В Православии архиереев так и называют – Ангелы Церкви. На примере западного мира мы видим, какая беда наступает, если Церковью пытаются управлять люди.

Почему я стал рассуждать и думать о монашестве? В прошлом году владыка Сергий пятый раз взял нас с собой на Афон. Там мы встречались со старцами. Старец Иосиф Ватопедский, который написал книгу о своем наставнике преподобном Иосифе Исихасте, всегда принимает нашего Владыку, беседует, а в этот раз и нам удалось повидаться с ним. Еще один старец, с которым мы встречались и беседовали, – это Папаянис из скита святой Анны. Он высказал то, что я слышал несколько раз и что меня всегда обижало. Старец сказал, что самый нерадивый монах лучше самого духовного «белого» священника. Я подумал: «Как так? Вот гордость! Вот ведь как монахи о себе мнят!» Но потом, когда стал размышлять о монашестве, то понял смысл того, что он сказал. Из его уст мы услышали, что самый нерадивый Ангел выше самого лучшего человека. А разве это не так? Ведь так! Как же с этим не согласиться?

Старец Паисий Афонский сказал удивительную вещь, что благодать священства не спасает самого священника. По его словам: «Священство – это не средство для спасения (человека, который его принимает)». То есть только тем, что мы – священники, мы спасаться не можем. Хотя преподобный Силуан Афонский писал о том, что благодати в священнике столько, такое море, что если бы он ее видел, то обязательно возгордился бы. Поэтому Господь и не дает видеть это море благодати. А старец Паисий пишет, что благодать дается не для священника. Благодать священства спасает, но не его, а других через него. Став священником, ты обрел благодать, обрел власть спасения других, помощи другим, но ты ею не спасешься. Тебе как человеку нужно самому подвизаться. Таинство священства природу человека не меняет, ты остаешься таким же – греховным, слабым, падшим. Но, тем не менее, ты имеешь власть и духовную силу помогать спасению других.

Таинство монашества меняет природу человека. Старец Паисий говорил: «Мне много раз предлагали стать священником, я всегда отказывался». Даже Вселенский Патриарх предлагал ему принять священство. «Мне, – говорил отец Паисий, – хватит монашества». Потому что монашество – это дар молитвы за весь мир.

Когда мы пытаемся стать исихастами, четки перебирать, молитву умную творить, то должны помнить, что это – монашеский опыт, Ангельский опыт. Конечно, и мы должны быть ревностными, но все же опыт исихазма – это опыт монашеского бытия. А наше священническое служение – это опыт любви к ближнему. Если ты о себе забываешь, тогда в любое время, когда бы тебя ни подняли, ты идешь на служение с радостью. С радостью исповедуешь, отпеваешь, причащаешь и, главное, с радостью служишь Божественную литургию.

Когда одно мое духовное чадо готовилось к постригу, я переживал: «Как же так, молодая та кая...» А она говорит: «Батюшка, не волнуйтесь. Постриг – это веселее свадьбы будет. Что такое свадьба... А постриг – это такая радость, такой праздник!» На самом деле, это такое духовное торжество! Вы видели, когда совершается постриг, как ликуют монахи? Так они рады, что их полку прибыло.

У каждого человека есть два пути, и оба спасительные: путь Марфы и путь Марии (Лк 10:38-42). Путь Марфы – это деятельное служение ближним, таково призвание «белого» духовенства. Путь Марии – это выбор «единого на потребу», жизнь монашеская. Монах внимает Господу, сидя у Его ног. Оба пути спасительны, второй – выше, но не нам выбирать. И в монастыре погибнуть можно, и в миру спастись. Монашество – это лицо Церкви, которое всегда обращено к Богу, а священство – лицо Церкви, обращенное в мир, к людям.

Вот такие у Церкви два лица радостных.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

Из писем схиархимандрита Виталия (Сидоренко)[1]

Жалейте друг друга...

Возлюбленные дети Божии!

Любите друг друга, не упрекайте, жалейте – и Бог поможет Вам.

Грешные, да Божии...

Терпите бываемые скорби, всегда кайтесь. Готовясь ко Причастию, надо правило прочесть, а ежели не прочли, то надо сказать священнику, у кого исповедуетесь. Никого никогда не осуждайте – и получите прощение прегрешений и вечную жизнь. Отчаиваться не надо: грешные, да Божии.

Не надо никого подозревать...

Не надо никого подозревать, все – люди Божии, и терпеть надо всякого рода испытания. Тому пример – Господь, Ему слава. Аминь.

Ваши любящие питомцы. Простите, благословите. Спаси Вас Господи.

О простоте и духовной благодарности

Мать! Ни на кого не надо обижаться, а только на себя, и не унывать. Кушать [если кто-то что-то вам дал] надо, а молиться: «Спаси, Господи, милующих, питающих и давших нам милостыню», – это после, как покушаете, и всё.

Во всем прочем возлагайся на волю Божию – и Господь поможет Вам, Ему слава во веки. Аминь.

Ругать не надо – то уже клятва...

Надо мыслить, что все люди хорошие – тогда не будем судить. Ругать не надо – то уже клятва. Надо благословлять и самому терпеть, если не слушает кто.

[1] Назидания старца приведены с соблюдением изначальной формы и стиля его писем к духовным чадам

Письма отца Виталия

«Почему Венедикт не может молчать?»

Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе!

Возлюбленные наши радосте! Благослови Вас Воскресший Господь Своею Нетленною Десницею и введи во спасение!

Почему Венедикт не может молчать, также и предается лености и прочие делает грехи – это потому, что не читает Иисусову молитву, которая всему научит и к Богу возведет. Все Святые себя укоряли, били, всех любили, прощали, терпели встречаемые испытания. Посему Венедикту надо: заниматься творением молитвы, приобретать страх Божий, поучение в законе Господнем, понуждение на всякое добро. Венедикт – скоропреходящее зловоние, хуже всякой твари, от чего да избавит Вас Господь, Ему слава. Аминь.

Христос Воскресе! Простите.

Тишина на море – радость...

Тишина на море – радость, мир души – всем благость. Бог всем управляет, а Его надо слушать, рече бо нам: *«Научитеся от Мене, яко кроток и смирен сердцем – и обрящете покой душам вашим»*.

О благоразумии в молитвенном делании

Если Н. утомится [на молитве] – [ей] можно [посидеть], но немного – [т.к. она молодая и здоровая]; надо делать поклоны – и утомление пройдет.

Тебе, мать N., можно посидеть по болезни. По болезни не грех и сидя, и лежа молиться, лишь бы молились.

Потому нет отрады на душе...

Старайтесь никого не судить. «Неосуждение – без труда спасение», – рекли Святые Отцы. Так мыслите: «Все люди – Божии, и их много любит Господь». За такие мысли посетит Вас Дух Святый – это сказал старец Силуан Староафонский. Потому нету отрады, что мы осуждаем, подозреваем, не жалеем, соблазняемся. Надо так мыслить: «Господи, даждь ми зрети моя прегрешения и не осуждать брата моего».

Покрый Вас Матерь Божия Святым Своим Омофором и введи во Обители Небесные. Аминь.

О том, что служит выражением монашества...

Черное [черную одежду] носить не надо, а надо: смиряться, отсекать свою волю, не осуждать, терпеть – это и будет черное[2].

Господи, молитвами отцев моих...

Надо себя нудить на добро и Господа молить о Его святой помощи.

К о. Серафиму [Романцову] на могилку надо ходить[3]. Как [только случится] скорбь и горе, так и пойдите или поедьте и все скажите. Батюшка всем нам старец. А ежели нет возможности, то мысленно [надо] звать и говорить: «Господи, молитвами отцев моих, родителей (имена) и всех, о мне молящихся, помоги, благослови». Так надо всегда [поступать] – перед молитвою утреннею, вечернею и на всякое время. Они живы, и их святыми молитвами помощь есть от Господа.

О причастии в день Святой Пасхи

Христос Воскресе! Христос Анести! Христе Азга! Христус Резурек!

В начале Христианства [христиане] каждый день причащались всей Церковию. Где же ты взяла, что нельзя [причащаться] на Пасху? Это страшный грех так делать – [самому смущаться и приносить смущение людям], да еще входить в дела священника. Все разрешили [таинством исповеди], но никогда не делай, не посоветовавшись.

Кланяемся, простите.

Если огород не полоть, а при засухе не поливать...

Н. и Л.! Слушайте маму, папу, и всегда берите у родителей благословение. Если огород не полоть, а при засухе не поливать, [то] вырастет трава и все заглушит. [Как видите], хозяин прилагает большой труд [для] обработки [земли]. Тем паче душе предлежит труд [возделывать свое сердце]. Не надо отчаиваться. Что мы сделаем хорошее без помощи Божией? Господь рек: *«Без Мене не можете творити ничесоже»*. Благослови Вас Господи и введи во Обители Небесные.

Помощь нужна взаимного братского отношения...

Прислали письмо мать М. и отец А. – скорбят за сына своего Николая: где есть? Нету известий. Поехал в [город] С. и нету слуху. Они хотели бы приехать. Скорби одолевают. Вы их не забудьте, [потому] что немощь [имеют] и помощь [им] нужна взаимного братского отношения.

Самому надо гореть свечой...

Благослови Вас всех Господь и да почиет на Вас Святый Дух, врачуя немощная и восполняя

---

[2] Было сказано сестре, жившей в миру в тайном постриге (прим. ред.).

[3] Было сказано сестре, проживавшей в г. Сухуми, где окончил свои дни и был погребен старец схиархимандрит Серафим (Романцов) *(прим. ред.)*.

оскудевающая. Ежели [в храме перед исповедью] не читаются [положенные] молитвы, Вы не обращайте на то внимание, только кайтесь – и получите прощение. Причащаться надо. Себя надо осуждать.

Что свечи не горят за Святым Престолом – [это не повод к отказу от причастия], причащаться надо. Самому надо гореть свечой. А то во Святой Обители горят свечи, а я грешу, потому что виноват.

За то, что привыкли осуждать, [люди] покоя нигде не находят. Осуждай себя каждый человек. Святые себя осуждали, всегда плакали – вот и стали угодными Богу. Жил человек, который мыслил, что «все спасутся, а я один погибну». [И] он был равен Святому Макарию, жившему во Святой пустыни и воскрешавшему мертвых...

Потому и молитвы Иисусовой нет...

Господь нам рек: *«Аще не обратитеся и не будете, яко дети – не войдете в Царство Небесное»*. Все грехи нас борют, потому что мы горды. Потому и молитвы Иисусовой нету.

«Мужайтеся, яко Аз победих мир»

Владыко [Зиновий] и отец Андроник шлют на всех Вас Божие благословение. Видите: когда ехать [к нам], надобно молиться Богу и Матери Божией – не всегда есть возможность видеться. Ввиду того, что не имеющие «вида», т.е. прописки, подражают птицам, зайцам, мышам: первые улетают, вторые убегают, а третьи прячутся – то приходится и нам. А Вы скорбите. Не надо. Господь даст, все будет хорошо. Вы много слышите [слова Божиего], а что Господь учит? *«В мире будете – скорбни будете, но мужайтеся, яко Аз победих мир»*. И Вам всем помощь [да будет] от Господа, сотворшаго Небо и землю, Ему слава. Аминь.

Дела славят Господа...

Бог нам прибежище и сила в скорбех, обретших ны зело. Все дела славят Господа – это потому, что делаются во славу Его. А есть дела, которые мы делаем в свою угоду – это плохо. Если всех любите, то хорошо. Если же одно лицо милое, а другое – нет, это не по Богу. Богу все люди милые, благословенные, святые. [Если] себя винить, упрекать, что грешен, и не отчаиваться – тогда благо. [И если] в лице людей смотрите, что [будто это] Сам Христос, тогда принимаете Бога Странником, пришедшаго в дом ваш, Ему слава. Аминь.

Советую читать 26-й псалом и 90-й...

Милость, мир и спасение от Господа и Божией Матери да будет Вам во вся дни живота Вашего! Благословение Владыки Зиновия, о. Андроника и всех отцев Святых да почиет на Вас!

Спрашивал о. Андроника о деле Вашем. Теперь [нужно] возложиться на волю Божию по поводу междоусобиц квартирантов. Советую читать 26-й псалом и 90-й. Между собой мирствуйте и соглашайтесь, а то непохвально, что нет согласия.

Себе не верить, но советоваться...

Всё надо говорить на исповеди. Надо себе и уму своему не верить, но советоваться – и хорошо будет.

Старайтесь Господу и Божией Матери говорить свои скорби и печали...

Сестрица! Ты скорбишь. Есть ли у тебя канон Божией Матери «во всякой нужде и скорби»? Начинается ирмосом: «Воду прошед...», – и прочее, а тропари: «К Богородице прилежно ныне притецем». Вот этот канон ежедневно и читай за сына, а Царица Небесная то и поможет, вразумит, помилует и спасет. Помоги Господи.

Никого не осуждайте, милуйте, питайте – и сами удостоитесь великой милости от Господа и Божией Матери. Не унывайте, Господь поможет.

Спаси Вас Господи за все милости. Старайтесь Господу и Божией Матери говорить свои скорби и печали. Благослови Вас Господи. Аминь.

О многообразии гордости

часть 4:

Не повинуются гордому ни мысли его, ни чувства...

Вопрос: *Мы все в той или иной степени знаем, как д'олжно жить пред Богом. Но когда перед тобой выбор: «Как поступить?» – то как раз ничего благочестивого часто толком-то и не получается. Вроде бы все понимаешь и намерение есть, а душа такому выбору противится. Стяжание добродетелей дается трудно. Согрешить же, напротив, очень легко. Все время хочется дать себе послабление, нередко срываешься...*

В чем кроется основная причина такой слабости? Возможно ли внутренне перемениться так, чтобы добро стало доступным и удобоисполнимым, а грешить совсем не хотелось?

Ответ: Господь создал человека свободным от зла и предоставил ему право распоряжаться своей судьбой, руководить своей личностью, контролировать свои мысли, чувства, желания и волеизъявления. Но мало кто в состоянии оценить этот дар до тех пор, пока не потеряет его. Прельщаясь гордыми мнениями о себе, человек, сам того не понимая, начинает лишать себя Богом данной свободы, попадая в зависимость и, как следствие, в рабство диаволу: в плен страстей и пороков. Все более погружаясь в пучину гордости, человек незаметно для себя теряет власть над своими мыслями, чувствами и желаниями, а значит, теряет трезвомыслие и духовную целостность, силу духа и способность исполнять веления своей совести. Одним словом – перестает быть свободным.

Чтобы вернуть себе свободу легко и радостно творить добро, нужно по-настоящему – со слезами и сокрушением – каяться перед Богом в своей злозависимости. А это станет возможным, только если глубоко осознать свое бедственное состоя-

ние: признать, что мы больны страстями и находимся в рабстве у диавола, – ибо прежде, нарушая волю Божию, мы неправильно распорядились своей свободой.

Вопрос: *Но у многих возникнет вопрос: «Как мне вместить в свое сознание мысль, что я человек порабощенный, зависимый и лишенный свободы? У меня же есть волевые и умственные способности, некоторый социальный статус, служебное положение или даже власть...»*

Ответ: Одно дело – иметь материальную собственность и распоряжаться ею, а также проявлять способности души, данные нам Богом от рождения, которые мы почему-то считаем предметом своих личных достижений. Иное же – в любых ситуациях владеть и управлять своей внутренней свободой, желаниями и чувствами. Разве мало в истории примеров, когда «гениальные» и «великие» по мирским понятиям люди были одержимы фобиями и абсурдными идеями, имели страшные порочные склонности и зависимости, совершенно не могли контролировать свои негативные эмоции? А в результате – алкоголизм, наркомания, безумие и самоубийство или иной трагичный и бесславный конец земного существования.

Вопрос: *Но ведь существует мнение, что таковы особенности психики выдающихся личностей, что грань между гениальностью и безумием очень тонкая. Неужели основная причина подобных жизненных трагедий заключается в гордости?*

Ответ: Святые отцы разъяснили, что началом всякого греха и всякой беды является не что иное, как гордостное помрачение и неповиновение Премудрому Творцу. Многие люди живут, не задумываясь о том, что в жизни абсолютно все наделено определенным духовным значением и смыслом. Любые чувственные и интеллектуальные проявления личности, а тем более действия человека, в своей основе имеют духовные причины и влекут за собой духовные последствия. Надо понимать, что это неоспоримая истина. Поэтому наивно было бы думать, что если человек не признает Бога, то и духовные законы над ним не властны. Причем такое явление, как атеизм – это тоже следствие патологической формы гордыни. Так как именно через эту губительную страсть диавол увлекает вслед за собой душу, настраивает ее на неповиновение Богу, чтобы постепенно полностью подчинить себе, а значит, довести до погибели. И в зависимости от того, в какой степени гениальность человека «заквашена» на гордости – в такой степени в свое время в нем проявится и безумие.

Вопрос: *Хочу все же уточнить: в мирском понятии слово «помрачение» обычно ассоциируется с патологическим состоянием и серьезным умственным повреждением. Если я правильно Вас понимаю, то «гордостное помрачение», о котором мы говорим, не обязательно подразумевает под собой явную неадекватность поведения и гражданскую недееспособность?*

Ответ: Нет, сейчас речь идет не об этих состояниях. Хотя в самых тяжелых случаях гордость приводит и к одержимости, и к повреждению психики, но в нашей беседе термины «гордостное помрачение» и «одержимость гордостью» подразумевают, главным образом, удобопреклонность человека ко греху, а также потерю им нравственной способности отличать духовные истины от ложных, равно как и потерю свойства слышать веления своей совести и всегда им следовать. То есть внешне человек может жить обычной жизнью, не нарушать общепринятые нормы поведения, но при этом быть внутренне глубоко безнравственным и пренебрегать Законами Божьими. Иными словами, «гордостное помрачение» – это невéдение своего душевно-бедственного состояния, которое ведет гордеца к вечному страданию.

Вопрос: *Но как человеку увидеть и понять, что он действительно одержим гордостью? Большинство верующих людей, монахов и мирян, стараются смиряться, вести себя скромно, манией величия не страдают и, казалось бы, чужды гордости...*

Ответ: Святитель Игнатий Брянчанинов говорит: *«Не повинуются гордым ни мысли их, ни чувствования. Они лишены власти над собой».* Для того чтобы увидеть, насколько в нас господствует страсть гордости, каждо-

му достаточно внимательно понаблюдать за собой: способен ли он полностью контролировать все свои мысли, чувства и желания хотя бы в течение одного дня и содержать их в своей власти? Если мы понимаем, что гнев и раздражение – это зло, то в состоянии ли мы не раздражаться, когда происходит что-то вопреки нашему желанию? Сможем ли мы не обидеться, если нас оскорбляют или уничижают? Способны ли не осудить, если видим, что кто-то поступает неподобающим образом? Сможем ли не допустить чувства ревности или зависти, когда наступают обстоятельства, ущемляющие наше самолюбие? И если человек в таких или подобных им случаях не может справиться даже со своими чувствами, то это должно быть первым и очень серьезным побуждением, чтобы начать каяться и работать над избавлением от гордости.

Насколько наша душа поражена гордостью, особенно наглядно видно в то время, когда мы становимся на молитву. Вот человек берет в руки молитвослов, готовится обратиться к Богу, начинает произносить молитвы, но даже в этот сокровенный для души момент он не может сосредоточить свой ум, который ускользает от помыслов, обращенных к Богу, и, ведомый бесом, скитается по «местам нечистым и скаредным». Хотя, понуждая себя, мы и стараемся возвратиться к внимательному чтению, но ум снова чем-то обольщается и «улетает»...

Так какие иллюзии можно питать о своей мнимой «свободе», если, даже предстоя пред Богом, мы так легко сдаемся в плен бесовских мечтаний? Стоит бесу только поманить, как наш ум уже покорно следует за ним, откликаясь на те образы и мечтания, которые лукавый рисует перед нашими мысленными очами. Вот и получается, что мы не властны над собой и не повинуются нам ни мысли наши, ни чувства...

Тот, кто увлекается мнением о себе, незаметно уподобляется демонам и подпадает под их влияние. А это значит, что нечистые духи будут всячески потешаться и издеваться над ним, все более и более затягивая в погибель. Так что уже первое осознание присутствия гордости должно побудить человека к покаянию, к стремлению всеми силами ухватиться за Господа.

Куда уж дальше: молиться мы не можем, в общении с ближними срываемся на гнев, раздражительность и осуждение, ревнуем, завидуем и презираем, а в конце концов еще и обижаемся на весь мир... Разве такое существование может быть расценено как нормальное для человека, сотворенного разумным свободным существом?!

Осознав, что, прельстившись самодовольством и самомнением, мы попали на крючок врага рода человеческого, нужно незамедлительно начинать глубоко каяться и смирять пред Богом свое сердце.

Поэтому, осознав, что, прельстившись самодовольством и самомнением, мы попали на крючок врага рода человеческого, нужно незамедлительно начинать глубоко каяться и смирять пред Богом свое сердце. Но это – серьезный труд над собой. Деятельное покаяние требует искреннего желания исправиться, усердного старания и некоторого внутреннего благородства.

Вопрос: *Вы говорили, что на запущенных стадиях помрачения гордостью человеку, как правило, становятся недоступны ни здравый взгляд на себя, ни правильное рассуждение, т.к. они блокируются самоценом*[1] *и, главным образом, непоколебимым доверием своим помыслам. Тогда как же он сможет «прозреть» и распознать в себе присутствие страсти, а тем более пожелать от нее избавиться?*

Ответ: Ранее в наших рассуждениях о борьбе с гордостью мы, в основном, говорили о важном значении личных усилий человека. Кроме этого, нужно обязательно рассмотреть действие Промысла Божия в

[1] Авт.: Назначить себе высокую «цену».

деле спасения каждой души. Самостоятельно, своими силами, гордому человеку невозмож-но «прозреть», но лишь Богу возможно «открыть ему глаза» на истинное положение вещей. Желая спасения каждой заблудшей душе, Он подбирает индивидуальный «ключик» к сознанию человека, чтобы посредством каких-либо вразумлений растормошить его от греховного дурмана. Образно говоря, на жизненном пути гордеца загорается «красный свет», чтобы он осознал катастрофическую опасность для своей жизни.

Вопрос: *А «ключик», как я понимаю – это своего рода импульс к исправлению?*

Ответ: Да. Это совокупность разных жизненных обстоятельств, которые будут побуждать человека задуматься. Такие обстоятельства составляются из действий благаго Промысла Божия и последствий личных неразумных поступков человека. Зачастую они носят смирительный, утесняющий характер скорбей. Эти «встряски», как выражается старец Паисий Святогорец, бывают по своей силе очень разными и их «амплитуда» напрямую зависит от степени пленения человека сетями диавольскими: насколько он увлечен или одержим страстью гордости и сжился с нею, обратив в свою натуру, и в какой мере парализована его свободная воля.

и себя узнавать с другой стороны. Если раньше он нес ответственность только за себя одного, легко и с благодушием сохранял внутренний мир и на этом основании помышлял о себе, как о добродетельном христианине, то теперь у него могут частенько прорываться и гнев на ближних, и недовольство ими, и ропот, и уныние с нерадением, и прочие плоды гордости. Духовная польза такого урока очевидна: понимая это, батюшка уразумеет и ложность хорошего о себе мнения, и сокрытую гордость и, с Божией помощью, начнет приобретать смиренный образ мыслей.

В других случаях Господь позволяет человеку действовать по его гордым пожеланиям. Чтобы он реализовал их на деле и на собственном горьком опыте убедился в душепагубности главенствующей в нем страсти. Так, под влиянием гордости человек часто совершает безрассудные, опасные для своей жизни и здоровья поступки, лишь бы доказать свою «исключительность» и «значимость», и из-за этого попадает в неприятности.

Вспоминается один знакомый юноша, которому мать своими трудами к совершеннолетию приобрела однокомнатную квартиру в крупном городе – тогда как они всю жизнь проживали в небольшом поселке. И вот, чтобы

На жизненном пути гордеца загорается «красный свет», чтобы он осознал катастрофическую опасность для своей жизни.

Вопрос: *То есть Господь посылает различные скорби в зависимости от степени гордости?*

Ответ: В одних случаях, когда человек способен к правильному духовному рассуждению, Промысел Божий создает для него такие смирительные условия, которые на этом этапе помогут ему обнаружить и пресечь в себе дальнейшее развитие страсти. Например, какому-нибудь скромному иеромонаху архиереем благословляется нести игуменское послушание. Но когда батюшка начинает руководить людьми, сталкиваться с их характерами и немощами, а бывает и с непослушанием, то начинает

произвести впечатление на своих товарищей, юноша сумел уговорить маму обменять эту квартиру на новенькую престижную автомашину. Обмен состоялся. В первую же ночь счастливый владелец автомобиля «обмывал» с друзьями приобретение, что переросло в залихватское катание «с ветерком», а завершилось бесславно – они все вместе врезались в дерево... К счастью, обошлось без серьезных травм. Так юноша реализовал свои гордые мечты, но остался «у разбитого корыта». Понятно, что впоследствии он неоднократно жалел о своей глупости, но на всю жизнь получил урок того, к какому плачевному результату приводят тщеславие и хвастовство.

Причем ощущение собственного «величия» само по себе помрачает сознание человека, притупляет внимание, и это может вовлечь его в опасную ситуацию. В пример приведу еще один случай. Однажды, когда по городу мимо меня проезжал дорогой «Джип», мне бросился в глаза особо напыщенный и высокомерный вид водителя. Буквально через минуту он выехал по улице на пересечение с главной дорогой и столкнулся с другим автомобилем. Оба водителя выскочили и сцепились друг с другом, но вовремя одумались и остановились. Предполагаю, что владелец «Джипа» по омрачению и невниманию, вызванными его надмением, просто не был расположен уступить дорогу. Хотя, согласно правилам движения, обязан это сделать.

Вообще, гордому водителю свойственно попадать в аварии, потому что он не имеет навыка смиряться и уступать кому-либо на проезжей части. Подобным образом и в других случаях жизни гордец постоянно создает «аварийные ситуации». Смиренный человек, напротив, во всех житейских случаях ведет себя скромно и этим избегает столкновений – не только дорожных, но и нравственных.

Вопрос: *Я помню, Вы говорили, что до тех пор, пока гордость не успела поразить все «жизненно важные центры» сознания человека, в нем еще сохраняется способность самостоятельно, не дожидаясь тяжких падений, распознать в себе ее действие и начать каяться, прося Бога об исцелении. Так что в повседневной жизни способствует человеку в борьбе со страстью гордости на таких начальных стадиях ее развития?*

Ответ: Своевременно обнаружить ростки гордости человеку помогает внимательное наблюдение за собой, способность прислушиваться к душеполезным советам со стороны и благодушное восприятие всякого рода обличений. И если он еще не утратил элементарную духовную трезвость, то эффективными «орудиями» борьбы с гордостью для него будут даже начатки смирения и рассуждения.

Вопрос: *Но наиболее распространена ситуация, когда люди не очень-то внимают совету смириться и уж тем более «отбиваются» от каких-либо обличений...*

Ответ: О том, как Господь врачует такие души, хорошо говорит преподобный Силуан Афонский: «Гордость трудно распознать в себе, но гордого Господь оставляет помучиться своим бессилием, покамест не смирится. А когда смирится душа, тогда враги побеждены, и душа обретает великий покой в Боге».

Но в действительности, в повседневной жизни, такое «воспитание» происходит поразному, через большие и малые неудачи: например, мы кому-то стопроцентно пообещали сделать несложное дело, но никак не можем исполнить обещанное; или старались приготовить вкусный обед и удивить гостей, а он оказывается подгоревшим и пересоленным; или хотели красиво прочитать молитвы в храме, а «спотыкаемся» на ровном месте... Так вот, частенько попадая в подобные ситуации, внимательный человек поймет свою слабость и задумается: «В чем причина моих ошибок?» – начнет каяться и исправляться.

Однако, к сожалению, многие не предают значения таким небольшим неудачам, считая, что это мелочи или даже случайность и вовсе не их вина. Так и получается, что урок ими не усвоен, поэтому их начинает одолевать раздражительность, гневливость, злопамятность, осуждение и другие страсти. А если и такие греховные проявления не заставляют людей задуматься, то они ниспадают в более тяжкие грехи: пристрастие к вещам и людям, мстительность, злопамятность, человеконенавистничество, сребролюбие, зависть, жестокосердие... Дальше попускаются хульные помыслы, ослабление или потеря прежней веры, бесовские прельщения и т.п. А если и эти внутренние беды не смиряют, то в дальнейшем начнут проявляться грубые, постыдные страсти, которые будут явно посрамлять гордеца перед окружающими.

Вопрос: *Пожалуйста, поясните, что подразумевается под «постыдными страстями»?*

Ответ: Это может быть или запойное пьянство, или прелесть бесовская, или блудные брани и помрачения...

Вопрос: *То есть страстные наваждения переходят в помрачения?*

Ответ: Да. Например, если речь идет о блуде, то все начинается с малого: сначала учащаются блудные мечтания и ночные осквернения, потом малый грех, затем ниспадение в большой грех, и если после этого не появляется покаяние, то гордеца начинает одолевать страсть сначала к содомским извращениям, а затем к иным гнусностям, о которых не хотелось бы даже и упоминать... Ибо как сказано в Священном Писании: *«Нечист пред Богом всяк высокосердый»* (Притч 16:5), – и если человек не осознает гордостную нечистоту своей души, то ему придется познавать ее или через блудную нечистоту своего тела, или через иную, явную, посрамляющую его страсть: пьянство, гнев и т.п. Но если он найдет возможность оправдать для себя и такие падения, то эти

«...Но как только покается, так Милостивый Господь даст душе мир и умиление, и тогда пройдет все плохое, и уйдут все помыслы. Но после держи смирение всеми силами, иначе опять впадешь в грех...»

прп. Силуан Афонский

О тех, в ком находят проявление такие страсти, апостол Павел говорит: «...[поскольку они] *не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства»* (Рим 1:28). И, по слову преподобного Силуана Афонского, так будет продолжаться до тех пор, пока человек не смирится.

Вопрос: *Ну вот... Звучит как-то тоскливо... Человек погряз «по уши», а ему вообще попускается впасть «во все тяжкие»... Неужели никак нельзя обойтись без таких крайностей?*

Ответ: Вот видишь, ты уже неправильно расцениваешь действие Промысла Божия о погибающей душе. По-настоящему тоскливо или, точнее сказать, скорбно было бы без боя отдавать душу на произвол диавола – наблюдать, как он методично взращивает в ней гордость и низводит ее во ад. Тогда как если человек попадает в обстоятельства, пусть и весьма неприятные, и посрамляющие, но вынуждающие его одуматься, то они послужат для него вразумлением к исправлению.

Но в таких ситуациях и самому страдальцу, и его ближним крайне важно иметь способность дать правильную духовную оценку происходящему, всеми возможными усилиями ухватиться за Господа, каяться и благодарить Его за долготерпение и посрамляющие гордыню уроки самопознания. «уроки» для него могут затянуться даже на долгие годы. А тем временем диавол будет пытаться довести человека до окончательной погибели. Например, попробует увлечь его в полное отчаяние или даже самоубийство, подтолкнуть к пьяной браваде с риском для жизни, к передозировке спиртного или наркотиков...

Вопрос: *Но гордому не так-то легко понять и усвоить, что его падения в тяжкие грехи – это «обстоятельства вразумляющие», а не окончательная богооставленность без надежды на спасение...*

Ответ: Ни о какой «окончательной богооставленности» здесь не может идти речь. Господь оставляет нас на время без Своей помощи с единственной целью: лишь бы мы образумились, покаялись и исправились. «Где совершилось грехопадение, там прежде водворилась гордость; ибо гордость – предвестница падения», – сказал прп. Иоанн Лествичник.

«Внимай себе, – говорит прп. Силуан Афонский, – наблюдай за собою и увидишь: как только душа превозносится пред братом, так вслед за этим приходит плохой помысл, который неугоден Богу, и через это душа смиряется. А если не смирится, то придет некое малое искушение. Если опять не смирится, то придет блудная брань. Если же опять не смирится, то впадет в некий малый грех.

Если и тогда не смирится, то будет большой грех. И так до тех пор будет грешить, пока не смирится. Но как только покается, так Милостивый Господь даст душе мир и умиление, и тогда пройдет все плохое, и уйдут все помыслы. Но после держи смирение всеми силами, иначе опять впадешь в грех». Таким образом, мало-помалу врачуется гордая душа, пока она или не смирится, или не предаст себя погибели.

Вопрос: *Но получается, что человек действительно оказывается на грани погибели?*

Ответ: Да, следуя своей гордости, он движется «к краю пропасти». Но и эту беду Богу возможно обратить ему на пользу. Именно страх перед окончательной погибелью может дать мощный импульс к пробуждению помраченного сознания и к покаянному сокрушению в сердце, «окаменевшем» от греха.

Вопрос: *И все же такие методы духовного лечения мне кажутся не очень-то гуманными...*

Ответ: Не очень-то гуманными?! А насколько «гуманно» в сложившейся ситуации по отношению к душе поступает сам «больной», добровольно предавая ее во власть диавола? Неужели не ясно, что если он не одумается, то навечно погибнет? Человек должен прочувствовать, насколько это страшно! К тому же, сейчас мы говорим о самой тяжелой степени гордости, при которой другие, более «гуманные» намеки могут быть и вовсе не восприняты человеком, как побуждение к покаянию. К сожалению, сознание закоренелого гордеца может быть сдвинуто с «мертвой точки» только через страдание от своих страстей во временной жизни и страх за свою плачевную участь в вечности.

По словам святых отцов, страшные испытания ожидают людей жестоких, потому что без великих страданий они не могут умягчиться. Господь попускает им падения и на практике дает прочувствовать, к чему приводит общение с бесами. Преподобный Силуан Афонский говорил: «Кто, подобно мне, потерял благодать, тот пусть мужественно борется с бесами. Знай, что ты сам виноват: впал в гордость и тщеславие, – и Господь милостиво дает тебе познать, что значит быть в Духе Святом и что значит быть в борьбе с бесами».

Вопрос: *Вы упоминали, что в числе прочих постыдных страстей гордому попускается запойное пьянство. Но мне не совсем понятно, как в результате запоя можно прийти к покаянию? Обычно, если пьяное «покаяние» и наступает, то и заканчивается оно с вытрезвлением.*

Ответ: Св. Василий Великий говорил, что пьянство унижает порабощенного ему человека ниже скотов. Уподобляясь скоту, под действием страсти пьяный теряет человеческий облик, к тому же, запойное пьянство часто сопровождается исступлением ума. А в результате таких падений не только в глазах окружающих, но и в собственных глазах гордеца рушится тщательно отшлифованный и оберегаемый им лживый образ собственного «величия». Поэтому страдания от пьянства и безумия усугубляются мучениями его посрамленной гордыни.

Вопрос: *И все это поможет ему одуматься?*

Ответ: Это может положить начало его смирению пред Богом. Претерпевая такого рода мучения, человек рано или поздно увидит свое непотребство и хоть немного, но смирится. Как правило, именно в такие моменты в его самодовольном сознании наступает просветление, когда он временно обретает желание и способность слушать, внимать участию ближних и стремиться к исправлению...

Вопрос: *А будет ли человек отвечать перед Богом за те поступки, которые он совершал в период потери разума, находясь*

«Когда человек делает один шаг к Богу,
то Бог навстречу ему делает тысячу шагов»
старец Паисий Святогорец

в полной бесовской власти – например, в том же временном исступлении ума?

Ответ: Если в помрачении разума он не владеет своей волей, то и спрос с него невелик. Но за те грехопадения, которые довели его до этого состояния, он несет полную ответственность пред Богом. А если Господь подает ему пусть даже и краткие периоды «прозрений», то человек в ответе за то, как он в этот момент употребил свою свободную волю: ухватился ли в покаянии за Господа или же пожелал остаться в лапах диавола?

Вопрос: *Можно ли надеяться, что, если христианин хоть немного образумился в таких скорбях, его духовная жизнь начнет потихоньку налаживаться?*

Ответ: Мало-помалу преуспевать на пути ко спасению будет всякий, кто возненавидит свое порабощение греховным обольщениям и постарается с Божией помощью измениться к лучшему. А для человека, который не сможет своевременно и правильно рассудить, в чем корень его падений, не начнет смиряться и каяться, просветление будет иметь временный характер. Потому что гордость, эгоизм и самолюбие снова постепенно начнут завоевывать пространство его души: отравлять сердце и разум, усыплять бдительность и голос совести, вновь «блокируя подступы» для вразумления со стороны ближних. Таким образом, человек, отдаляясь от Господа, опять начнет помрачаться, а значит, так и будет «ходить по кругу» ослепленный, заблуждающийся и несчастный...

Ответ: Причина, как правило, в том, что, даже страдая от своего крайнего непотребства, но вопреки голосу обличающей его совести, человек более склонен безвольно следовать уже привычным для него путем, а поэтому он вновь склоняет свой выбор не к покаянию, а к самооправданию.

Вопрос: *Но ведь и душа болит, и совесть вопиет, но даже инстинкт самосохранения почему-то не срабатывает?!*

Ответ: Идет борьба за душу. Потому что о своем пленнике диавол не перестает без устали «заботиться», всячески помогая ему выискивать оправдания своему грехопадению, чтобы заглушить голос его совести и внушить ему уверенность в «нормальности» происходящего. Он будет убеждать несчастного: «Ну, не переживай ты так! У всех есть грехи, а другие люди еще хуже. Ты – особенная личность, почти что «мученик»: страдаешь от нападений вражьих, поэтому тебе так нелегко. Не надо слушать эту совесть, семь бед – один ответ! Отдохни, отвлекись – выпей еще вина, посмотри телевизор... Не огорчайся, не падай духом. Ты же нормальный человек, уважай себя – и все наладится. Да ты сам-то и не сильно виноват – это все враг по зависти к тебе, ведь ты человек особенный, не как прочие...»

Таким образом, внимая диавольским увещеваниям, несчастный каждый раз осознанно заглушает свою совесть и постепенно свыкается с грубыми падениями, со временем воспринимая их как норму жизни. Через такое самооправдание он вновь и вновь «обретает почву» для того, чтобы уважать себя и знать себе «цену». И если человек сживается со грехом, начинает чувствовать некую свою «исключительность» или даже «мученичество» – это говорит о том, что «на выходе» из обстоятельств, попущенных для вразумления его гордого сердца, в нем толь-

Человеку дается возможность исправить прежние ошибки и сделать новый выбор – отречься от гордыни и с покаянным сердцем ухватиться за ризу Христову: «Господи, спаси мя, погибаю!»

Вопрос: *Действительно, иногда мы видим, что человек ходит «по замкнутому кругу» – от падения до падения – не один год, но так и не предпринимает никаких решительных действий к исправлению, а значит, и вырваться из этого плена не может. Но что становится главной причиной, преграждающей ему путь к избавлению от этого плена?*

ко усилилось демоническое прельщение, подкрепленное все тем же самооправданием, самолюбием и гордостным мнением о себе.

Вопрос: *И чего ожидать, если каждый раз развязка ситуации такова?*

Ответ: Это никак не «развязка» – это очередной сознательный шаг человека к усугублению трагического состояния, в котором он находится, потому что он вновь согласился с обольстительным помыслом о себе. И следующий этап болезни для него будет еще более скорбным. Таким образом, посланный Богом шанс выйти на путь исправления человек опрометчиво теряет и склоняет свой выбор в сторону зла. Причем его положение усложняется еще и тем, что пред Богом он будет нести полную ответственность за отвержение очередной возможности избавиться от плена демонической гордости, в который, как и прежде, он вновь сдается добровольно.

Вопрос: *Диавол борется за душу, но ведь Господь сильнее?!*

Ответ: Да. Но человек должен взыскать Спасителя! Господь ждет, что, очнувшись после своего падения, он опомнится, в его сознании наступит просветление: он осознает свою греховность и погибельность состояния. Этот момент может быть переломным во «взаимоотношениях» гордеца со своей страстью. Человеку дается возможность исправить прежние ошибки и сделать новый выбор – отречься от гордыни и с покаянным сердцем ухватиться за ризу Христову: «Господи, спаси мя, погибаю!» Однако кому-то может не доставать силы духа и мужества, чтобы так поступить. В этот момент любому крайне важны сочувствие, участие и поддержка со стороны ближних.

Вопрос: *Выходит, что в таких падениях человек настолько слаб духовно, что практически не способен сделать правильный выбор?*

Ответ: Конечно, *«горе единому»*... Здесь действительно «один в поле не воин». Когда несчастный особенно сильно прельщен диаволом, то он уже практически не способен распоряжаться своими мыслями и чувствами. Поэтому, для того чтобы найти выход из кризисной ситуации, ему нужен своего рода духовный «опекун». Нужно понимать, что, несмотря на сложность натуры нашего «героя», участие ближних в его судьбе необходимо. За такую заблудшую душу нужно усиленно молиться и с терпением пытаться понемногу его вразумлять.

Крайне важно правильно воспринимать ответные действия Бога – принимать, как из рук Его, все удобные случаи для стяжания смирения.

Вопрос: *Но таким людям свойственно отвергать любые попытки ближних вразумить их...*

Ответ: Поэтому «опекуном» должен быть такой ближний, которому «подопечный» склонен доверять и хоть в какой-то мере слушать его слово. Забота о помраченном гордостью человеке – тяжелый крест, но оставлять его в беде, грозящей погибелью, нельзя. Господь долготерпит и ждет покаяния грешника. И если он пренебрегает минутами просветления, а фактически отвергает руку помощи Божией, то его падения будут постепенно усугубляться, а потом перейдут в хроническую форму. Но в таком состоянии человек может окончательно погибнуть, и его душа навечно отойдет в ад.

Вопрос: *Мне все же кажется, что тот, кто страдает от страстей в такой мере, не может не желать исцеления. Почему же он все-таки не распознаёт в своих скорбях руку помощи Божией?*

Ответ: Серьезнейшая ошибка большинства из нас заключается в неправильном представлении того, как Господь совершает наше спасение, и в нежелании прилагать серьезные внутренние усилия к исправлению. Мы ждем помощи от Бога, но совсем не в той форме, в которой ее получаем. Я неоднократ-

но слышал в речах людей такие недоумения: «Ну зачем все эти мучения?! Я же прошу исцелить меня! Хочу быть добрым и смиренным. Молюсь, но Господь не слышит моих молитв. Иначе Он бы мгновенно сделал меня трезвым, смиренным и целомудренным...» Таким образом, мы измышляем свой ложный «путь спасения» и оставляем без внимания действие Промысла Божия. Требуем от Бога, чтобы Он послал нам Свою помощь, но не распознаем ее в ниспосланных скорбях, упуская реальную возможность получить желаемое очищение.

Вопрос: *Так все же чего в таких обстоятельствах ждет от нас Господь? Как правильно поступать, чтобы посылаемая нам помощь была принята с пользой для души?*

Ответ: Для выхода из всякого греховного плена человеку необходимо довериться Богу, Его Промыслу о нас – от этого зависит дело спасения каждой души. Грешнику, очнувшемуся после падения, нужно осознать, что он еще не погиб лишь милостью Божией, что Господь не отринул его, но долготерпит и ожидает покаяния. Поэтому дóлжно сразу, не откладывая на потом, предаться покаянию в грехах, которые произросли от надмения в сердце. Это и будет первым шагом ко исправлению: в человеке появится надежда вырваться из греховного омута и покаянием изменить ситуацию к лучшему. И если он действительно начнет каяться, возненавидит грех, отстранится от зла и постарается «держаться за ризу Христову», то Господь выведет его на следующий этап исправления.

Так постепенно, шаг за шагом Господь будет помогать человеку освобождаться от прелести и сетей диавольских. А в дальнейшем воспитательное действие Промысла Божия может проявляться очень разнообразно. Лишь бы человек ради своего душевного и телесного исцеления стремился к исправлению, делал сегодня и сейчас то немногое, что возможно исполнить.

Старец Паисий Святогорец говорит: «Когда человек делает один шаг к Богу, то Бог навстречу ему делает тысячу шагов». Главное, не считать свои слабые попытки освободиться от греха бессмысленными, бесполезными и вновь не вознерадеть о спасении. Нельзя впадать в саможаление, принимать помыслы обиды и ропота на Бога, но обязательно винить в своих бедах только себя самого, свою самость и гордость, и просить Господа о даровании смиренного образа мыслей. Смирением и самоукорением вымещается гордость. И здесь крайне важно правильно воспринимать ответные действия Бога – принимать, как из рук Его, все удобные случаи для стяжания смирения, а точнее – смиренного о себе мнения, которые Он будет подавать нам.

Вопрос: *Часто приходится слышать горькие недоумения: «Я просил Бога дать мне смирение, но с тех пор еще сильнее «срываюсь» на окружающих. Просил чистоту и целомудрие, а вместо этого нахлынули искушения...»*

Ответ: Такие высказывания свидетельствуют о незнании человеком духовных законов, о непонимании того, что любая добродетель усваивается душой только при деятельном ее осуществлении.

Хочешь приобрести смиренный образ мыслей? Тогда заранее уготовься благодушно со всех сторон принимать укорения, обличения и уничижения. Господь слышит твои молитвы и для твоего исправления попускает тебе искушения. Если поступать по совести и стараться благодушно терпеть от ближних обиды и обличения, то постепенно смирение начнет укореняться в качество сердца. Душа, почувствовав животворную силу этой добродетели, возненавидит гордость и начнет добровольно стремиться к смирению во всякой располагающей к тому ситуации.

Поэтому не следует малодушествовать, но ежедневно терпеливо принимать для духовного обучения посещающие нас скорби и благодарить за них премудрый Промысел Божий. Как через пророка Давида сказал Сам Господь: *«И призови мя в день скорби твоея, и изму тя...»* (Пс 49:15).

(Продолжение следует)

Из творений свт. Тихона Задонского[1]

Не касайся этого. Здесь яд

Бывает, что человек, желая оберечь от вреда другого человека, удерживает его и говорит ему: «Не касайся этого! Здесь скрыт яд». Как много мы видим таких случаев в мире. Так Божие Слово оберегает нас от греха и говорит каждому из нас: *«Человек, берегись греха! В грехе скрыт яд; когда коснешься его, он умертвит тебя»*, *«От греха происходит смерть»* (Рим 6:23).

Яд в ненависти, злом мнении и убийстве: берегись этого!

Яд в блуде и во всякой нечистоте: берегись этого!

Яд в пьянстве, роскоши и сладострастии: берегись этого!

Яд во вражде и ссоре: берегись этого!

Яд в воровстве, хищении, насилии, взяточничестве и всяком несправедливом деле: берегись этого!

Яд в праздности и лени: берегись этого!

Яд в клевете, осуждении, злоречии, ругательстве, сквернословии, грубословии, кощунстве и всяком вредном и гнилом слове: берегись этого!

Яд в гордости, славолюбии, тщеславии и лицемерии: берегись этого!

Яд во всяком деле, слове, помышлении и начинании богопротивном: берегись этого! Берегись всякого греха, человек! Да не умертвит тебя!

Яд тело умерщвляет, грех – душу.

Ты бережешься от смерти телесной – тем более надлежит беречься от смерти душевной, которую влечет за собой грех. Насколько честнее и дороже душа, чем тело, настолько более должно ее беречь. Берегись или не берегись от телесной смерти, тебе не избежать ее, всем это необходимо – и тебе. А когда душу будешь беречь от смертоносного яда греха, то вечно будешь жить, хотя и умрешь, ибо Благодатию Божией восстанешь не в смерть, а в жизнь вечную. Берегись и ты, душа моя, всякого греха, как яда смертоносного, чтобы он не умертвил тебя…

[1] Православно-миссионерское Книгоиздательство «За Церковь». Берлин. 1938 год.

Мы видим, что когда человек по неосторожности яда или чего-либо иного вредного вкусит и почувствует в желудке болезнь, то он не медлит, но тотчас прибегает к лекарю и ждет от него исцеления.

Христианин, не медли и ты, когда по неосторожности и вследствие искушения диавола, вкусишь яда греховного;

– не медли, говорю, но тотчас ищи исцеления, прибегни верою ко Христу, Врачу душ и телес, и проси у Него исцеления души твоей;

– признайся, какой язвой уязвил тебя враг твой;

– признайся, хотя Он и знает ее;

– падай перед Ним и с сокрушением сердца признайся в своей болезни;

Не стыдись и не бойся! Он прежде признания твоего, знает твою болезнь, но требует твоего свободного и добровольного признания, чтобы ты сам себя перед Ним обвинил и греха своего не скрыл. Говори же Ему и исповедуйся в беззаконии твоем: «Согрешил я, Господи, помилуй меня! Исцели меня, Господи, так как я согрешил перед Тобой».

Когда сыны Израилевы вышли из Египта и шли в землю обетованную, то в одной пустыне напали на них и кусали их змеи. Бог, смилостивясь над ними, повелел на высоком дереве вознести змею медную, чтобы укушенные люди смотрели на нее для своего исцеления и, так смотря, исцелялись (Числ 21:6-9).

Христианин, мы идем в землю обетованную – Небесное Отечество, нам обещанное, и, проходя пустыню этого мира, много страдаем от адского змея – диавола. Если же, по неосторожности нашей, этот лютый змей ужалит нас и мы почувствуем душевредный яд его в душе нашей, то тотчас возведем очи наши ко Христу, Сыну Божию, пребывающему по правую сторону Бога Отца, за грехи наши некогда вознесенному на дерево крестное, распятому и умершему.

«Как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Иоан 3:14-15).

О Иисусе, Сила и Надежда спасения нашего, пребывающий по правую сторону Бога Отца во славе Отчей! Помилуй нас, которых ты искупил честною Кровью.

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

29 АПРѢЛЯ. | № 18 | 1912 ГОДА.

Святитель Тихонъ—заступникъ обидимыхъ.

Бытовой очеркъ изъ жизни духовенства Воронежской епархіи въ XVIII и XIX столѣтіи. По семейнымъ и личнымъ воспоминаніямъ.

Автор рассказа, предлагаемого читателям, протоиерей Тихон Иванович Донецкий, происходил из семьи духовного звания, хорошо известной в Задонске и его округе. Отец автора мемуаров, дьякон Задонского городского Успенского собора Иван Иванович Донецкий, служил в этой должности с 1819 по 1851 годы. Пребывал в духовном общении с Георгием, Затворником Задонским, и старицей-страннопримницей Матроной Наумовной Поповой. Впоследствии был возведен в сан священника, служил в селе Казанская Хава[1]. Здесь и прошли детские годы родившегося в 1850 году Т. И. Донецкого.

Сам Тихон Иванович, окончив Воронежскую духовную семинарию в 1867 г., преподавал русский язык в Воронежском духовном училище, а с 1870-х годов – также и церковное пение в епархиальном женском училище, духовной семинарии, Мариинской женской гимназии, реальном училище. С 1876 по 1895 год состоял священником при тюремной церкви города Воронежа, а с 1897 по 1912 год – домового храма Воронежского духовного училища. В 1906 году удостоен был сана протоиерея. Скончался в ноябре 1912 года, невдолге после публикации воспоминаний, увидевших свет в апрельских, того же года, номерах «Воронежских епархиальных ведомостей» (с 15 по 18).

Надо заметить, что еще за два десятка с лишним лет до публикации воспоминаний протоиерея Тихона «Воронежские епархиальные ведомости» (№ 15 за 1888 г.) обращались к семейным преданиям рода Донецких, предоставив страницы мемуарным заметкам священника Иоанна Кириллова – двоюродного брата Тихона Ивановича. Более близкие по времени к воспоминаемым событиям, заметки о. Иоанна (они были перепечатаны в «Задонском паломнике» – № 47 за 2005 год) отличаются большей точностью в описании взаимоотношений святителя Тихона и их семьи. В то же время воспоминания не чуждого литературного слога Тихона Ивановича ценны и как источник дополнительных сведений о событиях, вошедших во все жития святителя, и как художественное обобщение образа святителя – милостивого защитника сирых, десятилетиями сохранявшегося в устных преданиях, основанных на свидетельствах современников.

---

[1] Ныне Новоусманский район Воронежской области.

Из воспоминаний протоиерея Тихона Донецкого[2]•

Семейные предания и рассказы моих отца, матери и особенно дяди, известного в свое время протоиерея при Ильинской церкви и члена Воронежской духовной Консистории, Михаила Ивановича Донецкого, обладавшего громадною памятью и умевшего живо и увлекательно передавать устные сведения о предках нашего рода, доходили до жизни моего прадеда, Степана (Стефана) Алексеевича, проживавшего в родном селе в причетническом звании в царствование императрицы Екатерины II, ее сына императора Павла и внука императора Александра.

Мой прадед обладал твердым, доходившим до слепого упорства, характером и непреклонною волею; семью, даже взрослых членов ее, держал в беспрекословном повиновении всем его указаниям и распоряжениям. Малейшие проявления самостоятельности карал беспощадно.

По своим искренним глубоким религиозным убеждениям прадед являлся строгим и неуклонным исполнителем предписаний и требований устава относительно посещения храма и соблюдения поста. Вся семья, не исключая самых юных членов, невзирая на погоду и раннее время отправления служб в холодном местном храме, в праздничные дни и в долгий период Великого поста должна была посещать службы. В течение всей первой недели, кроме хлеба и редьки с квасом, сам Степан Алексеевич и вся семья ничего не употребляла; также и во время Страстной седмицы. Конопляное масло разрешалось есть лишь по воскресеньям и праздникам в долгий период поста. Все хозяйственные начинания и приведение их в исполнение задумывались моим предком единолично, без всякого участия членов семьи. Одежда и обувь его ничем не отличались от его соседей-крестьян.

По скудости тогдашнего образования мой почтенный предок с трудом разбирался с отправлением церковных служб по богослужебным книгам. Более обычные службы: часы, шестопсалмие, кафизмы – он читал наизусть, не раскрывая уставных книг. Всегда трезвый и неуклонный исполнитель своих обязанностей по церкви, Степан Алексеевич, по характеру своему, позволял резкие объяснения не только с местным священником, но даже с благочинным. В глазах этих лиц Степан Алексеевич казался грубым и дерзким. А потому, при представившейся возможности, церковное начальство поспешило избавиться от излишне прямого и дерзкого подчиненного.

В то время угроза войны с Францией заставила императора Павла провести ряд рекрутских наборов, к которым привлечено было отчасти и духовенство, до того освобожденное от этой тяжелой повинности. Манифестом об одном из наборов повелено было взять в военную службу во всей империи тех низших членов причта, которые отличались неспособностью к прохождению своих церковных обязанностей, а также своим неблагоповедением. Справки о подобных лицах предписано было представить местным благочинным и настоятелям церквей.

И вот, в силу этого высочайшего указа, мой прадед, как малограмотный и строптивый член причта, по указанию местных благочинного и священника был взят в солдаты. Его в сопровождении конвойных гарнизонных солдат вместе с другими рекрутами отправили, кажется, в Москву – для укомплектования какого-то полка, предназначенного к заграничному походу.

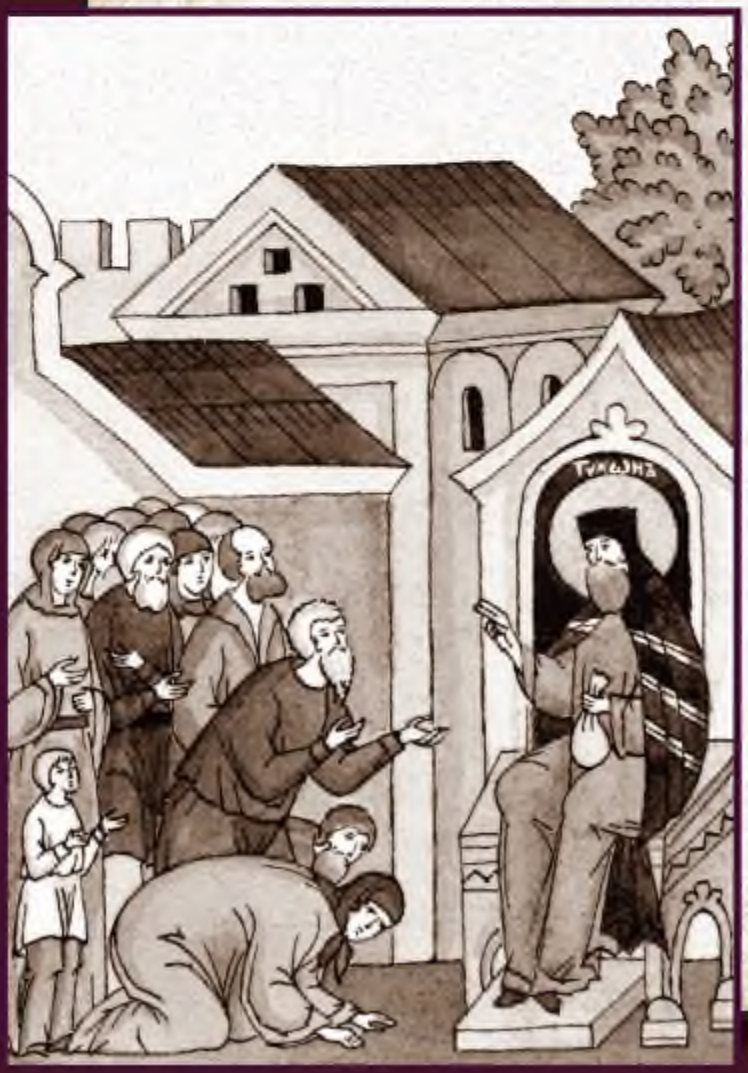
С невольным и совсем неожиданным удалением моего прадеда из дома его семья осталась без всяких средств к существованию. Правда, ей по распоряжению преосвященного приказано было выдавать ничтожную часть из причетнических доходов, да и то лишь в продолжение одного года. Много горя и нужды перенесла эта несчастная семья в отсутствие своего главы и кормильца.

Находясь в таком безвыходном положении, моя прабабушка, взяв с собою целую кучу полураздетых и голодных детей, отправилась помолиться в Задонскую обитель. Влекла ее, помимо религиозной потребности излить свое горе пред Задонскими святынями, и некоторая надежда на милостивое заступничество пред начальством известного жалостью

[2] Текст публикуется в сокращении и местами в изложении.

к людскому горю святителя Тихона, жившего в описываемое время на покое в Задонском монастыре. Молва о его святой жизни, его молитвенных подвигах, его всегдашней неотказной помощи горьким несчастливцам широкими волнами разливалась по ближайшим к Задонску и отдаленным от него местам православной Руси.

С великим трудом в холодный и дождливый октябрьский день дотащилась прабабушка ранним утром до монастыря, отстояла раннюю и позднюю литургию в монастырском храме. Горяча и искрення была ее молитва пред иконою Божией Матери. Купила она на последние имевшиеся у нее гроши свечей, подала о здравии раба Божия воина Стефана заздравную просфору, выстояла и молебен Божией Матери. Выйдя из церкви, она с проголодавшимися детьми направилась к выходу из монастыря. Где и остановилась в горьком раздумье, идти ли ей домой или просить временного приюта в городе. Так она стояла у выходных ворот из монастыря.



Приютившись под навесом ворот, она думала хоть несколько переждать усилившийся холодный частый дождь с порывами пронзительного ветра. В таком положении, окруженная кучею иззябших полураздетых ребят, плакавших от холода и голода, прижавшись к своей матери, она представляла поистине наглядную картину безысходного горя и нужды. Плакала и сама она, утирая опухшие от слез глаза концами своего головного платка, глубоко задумавшись о своем положении. В ее подавленной горем душе роились беспорядочные и несвязные мысли: что делать, что предпринять, где искать приюта от непогоды, чем накормить иззябших и голодных детей, как увидеть преосвященного Тихона, коего она лично не знала?

В эти минуты ее раздумья из ворот монастыря вышел один из иеромонахов по виду. Одет он был в суконную черную рясу, в монашеской скуфейке на голове, с простым дубовым некрашеным батожком. Еще издали он заметил мою прабабушку; проницательно всматриваясь в группу прижавшихся к матери детей, он направился к ней. Завидя его, прабабушка сочла его за иеромонаха монастыря. С почтением она поспешила ему навстречу, попросила благословения. Благословив ее, незнакомец благословил и всех детей, которые вышли из-под навеса и направились к матери.

После этого незнакомец, приглашая всю группу странников укрыться от хлеставшего дождя под навес ворот, спросил прабабушку, кто она такая, где место ее жительства, сколько у нее детей, почему она стоит здесь и не ищет себе приюта от непогоды?...

В несвязной речи, удерживая выступившие на глазах слезы, она рассказала неожиданному собеседнику о своем несчастном состоянии. Выслушав внимательно довольно продолжительный рассказ прабабушки о ее злоключениях и узнав в конце ее рассказа о том, что она думает обратиться с просьбою о возвращении мужа домой к преосвященному Тихону, собеседник пригласил всю семью следовать за собою в монастырь, сказав по дороге прабабушке, что устроит ей свидание с преосвященным.

– Но это все мы сделаем после, – сказал он. – А теперь я проведу тебя в свою келью, где вы

подкрепитесь пищею и обогреетесь. Вишь, какую погодку Господь посылает.

– А как святое имя твоего мальца? – спросил нежданный благодетель у прабабушки.

– Иоанн, в честь Св. Предтечи Иоанна, – ответила несколько повеселевшая мать.

– Ну, Ваня, быть тебе диаконом в своем родном приходе, – произнес покровитель, погладив его слегка по голове.

Следуя за благодетелем, семья подошла к небольшому домику недалеко от ворот, покрытому черепицею. Подойдя к домику, путники вошли в маленькие сени. В комнаты вела дверь с массивною скобою. Взявшись левою рукою за скобу, провожавший слегка постучал правою в двери с обычными словами монастырской братии:

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас.

– Аминь, – раздалось изнутри.

Дверь отворил благообразный монах. В первой комнате, освещенной двумя маленькими окнами, стоял простой липовый стол, несколько табуреток. На столе лежала раскрытая книга в кожаном переплете. Ее, как было заметно, и читал отворивший дверь монах. В глубине комнаты видна была большая печь с лежанкою.

Занятая своими мыслями, прабабушка не заметила, что встретивший их на пороге почтенный монах с особым благоговением испросил благословения у вошедшего ее спутника, принял от него трость, верхнюю рясу. Неожиданная компания вошедших, по-видимому, удивила этого монаха. Он зорко оглядывал всю группу вошедших – женщину и детей.

«Ну, отче, принимай гостей, – сказал вошедший. – Накорми их, чем Бог послал, да посади иззябших ребят на лежанку погреться». Отозвав несколько в сторону сидевшего в келье монаха, проводник вполголоса отдал ему приказание отправиться, как прабабушка заметила, в городские лавки за какими-то покупками. Сделав это распоряжение, он вошел во вторую комнату и слегка притворил за собою дверь. Посланный скоро возвратился с мешком свежих калачей, баранок и даже целый десяток медовых пряников принес. Все это он положил на стол и пригласил всю семью, помолившись Богу, сесть за стол и кушать. Причем сам прочел «Отче наш». После такой для детей давно невиданной сытной трапезы угощавший монах, оделив повеселевших ребятишек пряниками, посадил их рядком на теплую лежанку, а сам, усевшись с прабабушкою около стола, повел с нею беседу вполголоса.

Несколько успокоенная теплым радушным приемом, встреченным ею в незнакомой келье, прабабушка рассказала собеседнику о своем горе, а в конце своей скорбной повести добавила, как ее встретил и обласкал проведший их сюда батюшка, который, между прочим, обещал ей довести и до преосвященного Тихона.

– Ну, матушка, извини меня, ты, верно, с своего горя вовсе одурела! Да ведь этот батюшка и есть преосвященный Тихон! – сказал монах пораженной всем происшедшим женщине. – Верно, Господь и Пресвятая Богородица за твои скорби и молитвы в св. обители нашей сподобили тебя повстречать нашего великого милостивца, владыку Тихона. Я глубоко верую, что он, милосердный наш батюшка, облегчит твое горе, – набожно перекрестившись, произнес ее собеседник.

Дверь из другой комнаты неслышно полуотворилась и тихий, но живой голос святителя долетел до ушей беседующих.

– Войди сюда, матушка, – сказал преосвященный Тихон.

Та, как вошла, бухнулась в ноги стоявшего у окна владыки. Слезы и рыдания душили ее. Хотела она что-то сказать, но от волнения язык не слушался. Губы только беззвучно шевелились.

– Встань, встань, несчастная, – несколько конфузливо увещевал святитель растерявшуюся гостью. – Встань, Богу одному нужно кланяться, а я только многогрешный смиренный архиерей.

Прабабушка моя кое-как поднялась и, подставив дрожащие от волнения руки, многократно лобызала благословляющую руку святителя. Светло и спокойно сделалось у нее на душе. В таком благостном настроении она взглянула на лицо святителя. Он был в одном поношенном подряснике и без скуфейки. Убранство святительских покоев было не наряднее обстановки первой

комнаты. У задней стены – грубая кроватка с незатейливым изголовьем и одеялом. Простой стол и скамья стояли в переднем углу. Сам передний угол был увешан образами, перед коими горели несколько самых простых лампадок. На стене на деревянных полочках лежали книги. Перебирая простыми четками, надетыми на правой руке, святитель Тихон заставил прабабушку еще раз рассказать ему поподробнее все обстоятельства неожиданной отдачи в рекруты ее мужа. Он внимательно слушал ее скорбный рассказ.

– Жаль мне тебя. Скорблю душою о твоем бедном муже, – сказал, выслушав ее, святитель тихим, дрожащим от сочувственного волнения голосом.

– Батюшка, святитель Божий! – чуть не закричала снова расстроенная собственным рассказом прабабушка. – Возврати мне нашего кормильца! Ведь без него мы поколеем с голоду и холоду.

– Легко сказать: возврати. Ведь он, неразумная, взят в солдаты по царскому повелению. Правда, ранее служителей церкви не касалась обязанность идти и отбывать царскую службу. Но ведь сердце царево в руце Божией. Ему виднее, что нужно для блага нашей православной земли. Просить у царской власти возвратить твоего мужа – не грешно ли? Вот только твое положение и твоя куча бесприютных детей и дают мне дерзновение попытаться возвратить к тебе мужа. Скажу откровенно: трудное это дело. Но ты не отчаивайся, молись усерднее Богу, проси у Него небесной помощи, и Он подаст тебе утешение. Теперь возвращайся-ка ты с детьми домой. А я, с помощью свыше, попытаюсь что-нибудь сделать тебе на пользу.

Снабдивши мою прабабушку скромною суммою денег и приказав своему келейному найти на базаре мужиков из ее села, чтобы довезти прабабушку с детьми домой, святитель посоветовал ей привезти после Рождества старшего сына Ваню в Задонск для определения в обучение при монастыре. «Разумеет ли он грамоту?» – спросил преосвященный. Мать объяснила, что Ваня под руководством священника выучился кое-как читать Псалтырь.

– Ну, это не беда, – сказал благостный владыка, благословляя ее на дорогу. – Окажет внимание к делу, Бог даст, выучится. Господь умудряет младенцы. Молись Богу и жди от меня уведомления о ходе твоего дела. Напишу кое-кому в царскую столицу. Бог да расположит сердце вельмож к твоему горькому положению.

К кому и что писал святитель Тихон по делу моего предка, семейное предание не указывает в точности; но его святое заступничество за прадеда было уважено в Петербурге. К великому празднику Рождества Христова прадед мой, неожиданно для всех, обритый и остриженный, в казенном полушубке, возвратился в свой дом и, без сомнения, по ходатайству святителя Тихона, снова был определен на свое прежнее место.

После святок прабабушка уговорила прадеда съездить в Задонск вместе с ней и старшим сыном, Ванею, моим дедом, которого святитель Тихон обещал моей прабабушке определить в училище. Святитель Тихон принял и обласкал прибывших, просил отца настоятеля монастыря приютить при обители приезжих, приказав мальчика оставить пока при нем.

Принимая всю семью в своих кельях, свт. Тихон вел с прадедом продолжительную беседу с глазу на глаз. В чем заключалась суть этой беседы, для семьи осталось неизвестным. Сам он, по своей скрытности, никогда не заговаривал о предмете беседы с святителем. Можно только предполагать, что прозорливый владыка делал ему внушительные наставления по поводу некоторых душевных слабостей прадеда.

После возвращения семьи из Задонска домой Степан Алексеевич стал относиться к членам семьи и настоятелю гораздо мягче и сдержаннее. А с летами у прадеда постепенно вовсе исчезла его прежняя суровость и замкнутость. Дожил он до возвращения своего сына, по окончании училищного курса, домой. Святитель Тихон в то время уже о Господе почил.

Содержать сына в семинарии прадед не имел возможным по скудости средств, но почитал полученное сыном образование достаточным для получения сана диакона, желательного, по его понятиям, идеала служения Церкви. И дождался он, к великому утешению, посвящения сына в диаконы...

Подготовка к печати – Л. МОРЕВ

«Боже, будь со мною!»

Время гонений на Церковь в советский период сегодня принято сравнивать с раннехристианскими событиями церковной истории. Но масштабы богоборческого наступления на Христову веру при большевиках были иные, неизмеримо большие. Это был период жесточайших массовых репрессий – в обществе повсеместно гнездились страх и отчаяние...

Иначе ощущали себя только верные Христу. Страх Божий, трезвость [духовная бдительность] и сосредоточенность, молитва и упование на Бога ограждали православных от уныния, отчаяния и растерянности. Избранным Своим – сердцам искренним и мужественным, всецело доверяющим Господу, неотступно и безусловно верующим в Любовь и Промысел Его, был дарован путь исповедничества и мученичества за Христа – чтобы явилась на них Слава Божия в укрепление веры и проповедь Истины как их современникам, так и нам – их потомкам...

Протоиерей Михаил Труханов (1916-2006 гг.) один из тех, чей земной путь – живая проповедь: проповедь несокрушимой веры и преданности воле Божией, проповедь веры в Его всегдашнее милосердие. Батюшка вспоминал: «Когда не было опоры человеческой, когда никто, казалось, мне не поможет, я говорил в своем сердце: «Боже, будь со мною!» И Господь сейчас же откликался на мою молитвенную просьбу...»

...Всю свою жизнь отец Михаил нес глубоко в сердце такую любовь ко Творцу, которая может быть дарована только Самим Богом и дана избранным Его[1] за их решимость свято верить и жить по евангельскому Слову.

---

[1] Речь идет о тех, кто избирает верность Богу.

Глава 7[2]

«Хранит Господь всех любящих Его»

(Пс 144:20)

Вернемся к прерванному.

Утром до поверки в мертвецкую вошел санитар Ваня и начальник санчасти Горбунов. Четырех покойников санитар вынес в сарай, стоявший близ стационара; шестерых еще живых отправили по баракам; двоих приказано было поместить в палаты стационара. Относительно меня, не способного самостоятельно идти в барак, санитару дали команду оттащить в барак; «Пусть отлежится – и на работу, лодырь и доходяга». И уже ко мне были обращены слова: «Нечего шляться в санчасть. Надо работать!»

Взвалив меня на спину, Ваня выходит из тамбура санчасти. В это время издалека кричат:

– Куда идешь? Поверка!

– Не везет мне с тобой, – говорит санитар и с полуживой ношей поворачивает к стационару, благо, что отошел всего какой-то десяток метров. В прихожей слева, перед дверью в коридор стационара, открывается кухонная дверь и выходит начальник санчасти:

– Ты чего его назад тащишь?

– Вернули. Поверка.

– Вот, какая с ним канитель. Сразу же после поверки оттащи его в барак. Симулянт и лодырь! И чтоб больше сюда ни ногой! Работать надо! – кричит он мне, когда Ваня проносит меня мимо него на своих плечах.

Отворив дверь в коридор стационара, затем в знакомую мне дверь слева – в мертвецкую палату, Ваня сваливает меня на прежнее место. Я оказался в луже моих собственных ночных испражнений, от которых, и отвернуться-то у меня теперь не доставало сил. Чуть поудобнее устроившись, тихо произношу со вздохом: «Боже, будь со мною!» И вновь погружаюсь в тупое, бездумное и безразличное ко всему полузабытье. Из-за физической слабости мне ничего не хочется – даже есть, а только лежать бы спокойно, без всякого движения…

Вскоре раздается крик Вани: «Внимание! Гражданин начальник лагеря!» И почти в ту же минуту в мертвецкую открывается дверь и быстро вошедший в палату человек закрывает ее бесшумно за собой. Начальник лагеря проходит на кухню стационара, откуда через тонкую стенку перегородки к нам в палату доносятся его раздраженные окрики на повариху Наталью Михайловну. От встречи с начальником лагеря, не обещавшей ничего хорошего – особенно если начальник не в духе, чего заранее никто, понятно, знать не может – поспешил укрыться в соседствующей с кухней мертвецкой человек, который стоял теперь около моих ног.

Он обвел глазами палату, потом наклонился ко мне и, по-видимому, узнав, шепотом спросил:

– Агроном?

Я внимательно следил за ним и в ответ на его вопрос утвердительно кивнул головой. Молчим. Кажется, вошедший напряженно вслушивается в то, что доносится из кухни, откуда он несколько минут тому назад ретировался.

Спустя какое-то время опять захлопали дверями, послышался голос уходящего из кухни начальника лагеря, сопровождаемого начальником санчасти и санитаром Ваней, который раскрывал перед ними двери.

Через минуту, распахнув дверь мертвецкой, появляется начальник медсанчасти и, увидев стоящего здесь бухгалтера, объявляет с радостью:

– Ушел, ушел! Выходите, Василий Михайлович!

---

[2] Печатается на основе книги протоиерея Михаила (Труханова) «Воспоминания: первые сорок лет моей жизни» и отдельных воспоминаний келейницы старца В. А. Звонковой http:// www.omihail.ru.

– Игорь Петровиш! Снаете, какой снаменит шеловек лежит вот в гофне...

– Кто это?

Человек в белом халате наклоняется ко мне и смотрит прямо в лицо с выражением брезгливости и недоумения.

Не отвечая начальнику санчасти на вопрос, бухгалтер продолжает:

– Ошень прошу обратить внимание на такоф шеловек. Я знаю его и всегда помогайт ему буду...

– Ваня! Ваня! – нетерпеливо стал звать санитара хозяин санчасти. Санитар, по-видимому, бывший где-то рядом, сразу же оказался на месте.

– Сколько раз нужно тебе говорить, чтобы ты поместил вот этого, – видя недоумение санитара, – да, да, вот этого – в четвертую палату...

Обратившись к бухгалтеру:

– Конечно, Василий Михайлович, я уже обратил внимание на него – у него страшная пеллагра, а сейчас еще и с профузным поносом...

Повернувшись к Ване, он строгим голосом сказал:

– Сейчас же скорее отправляйся с ним на санобработку в баню, а потом поместить его в палату и надо хорошенько накормить горячим...

– Такоф шеловек надо помогайт, Игорь Петровиш, нужный шеловек, – повторял бухгалтер, уходя из мертвецкой вместе с начальником санчасти.

Почувствовав крутой поворот в отношении ко мне, я шепотом произнес: «Боже, будь со мною!» – и беззвучно заплакал...

Так вот зависимость начальника санчасти от человека, который управляет в лагере продовольствием, изменила и его отношение ко мне.

В состоянии крайней истощенности заключенных, которые уже не могли сами ходить не только на работу, но и в столовую, помещали умирать в стационары. Многие из заключенных этого не удостаивались и умирали на нарах в бараках... Тогда дневальные выносили их прямо в сарай близ стационара, где мертвецов укладывали в штабеля.

Истощенных доходяг в стационаре клали по двое на одиночные топчаны. Меня положили на топчан к тому, кто тремя днями раньше был притащен из барака в стационар. Звали его Иван Васильевич. Ему было 44 года. В прошлом – колхозник, но в первых же сражениях с немцами был легко ранен в ногу и, находясь в госпитале, во время перевязки раненной ноги, высказал возмущение против клича «За Родину! За Сталина!»... Долечиваться ему пришлось в тюрьме, затем восемь лет лагерей.

По утрам санитары обыкновенно разносят пайки хлеба, грамм по 300, примерно через полчаса раздают баланду, ставя миски на доску, соединяющую смежные топчаны. Получив хлеб, Иван Васильевич обрадовался и принялся есть. Я, лежа спиной к его спине, стал ожидать баланды. Когда же принесли миски с баландой, чувствуя неподвижность своего соседа, стал толкать его со словами: «Иван Васильевич, давайте есть скорее, пока горячая баланда». Он молчал. Повторив свой призыв громче, приподнялся на топчане и увидел своего соседа уже мертвым – с ломтем хлеба во рту. Тихая, безмолвная смерть.

После смерти Ивана Васильевича мне стало явно хуже: пеллагра овладела мною. С каждым днем чувствовал себя все слабее и слабее. Казалось, все было холодно – никак не мог согреться. Хотелось спать, спать беспокойно, чтобы никто не беспокоил меня. В каком-то забытьи все время находился, даже ни о чем не думалось: тупость какая-то в сознании и безразличие ко всему.

Обход врача – формальный, хотя и с санитарами (Ваня и Анфиса): в палате 14 топча-

«Верные в любви пребудут у Него; ибо благодать и милость со святыми Его и промышление об избранных Его» (Прем 3:9).

нов, а лежащих на них до 20 и более человек. Врач спрашивал санитара: «Сколько сегодня утром трупов выносил в сарай?» Тот докладывал: «Два или четыре». И так повседневно.

Нас ничем не лечили (нечем было!), но во время обхода врач старался поговорить с каждым больным. Спрашивал: «Как чувствуешь? Что больше всего болит?» Получал ответ: «Слабость, а не болит ничего» или «Только вот отекать начал, тяжело вставать, еще понос начался... Дайте что-нибудь от поноса...»

Но дать врачи ничего не могли и переходили к другому больному с подобными же вопросами.

Поначалу голодный паек уничтожался мною быстро. А неделю спустя, помню, есть хочется, но откусишь хлеба и будто забываешь пережевывать его, засыпаешь с куском хлеба во рту. Очнешься от чувства голода, принимаешься опять жевать и вновь впадаешь в забытье.

Санитарка Анфиса – очень грубая старушка (бытовичка 63 лет) – бывало, подойдет и станет тормошить со словами: «Начинай жрать баланду, а то унесу». Тогда чуть приподнявшись, съедаешь баланду, а затем, устав от напряженной еды, сворачиваешься клубочком и засыпаешь.

Так было первые дней десять. Половина лежавших уже не ходила в уборную в конце коридора, метрах в десяти от дверей нашей палаты. Для таковых ставилось ведро у самого входа; и кто ползком, кто с помощью более сильного соседа добирался до него. Через десяток дней я совсем обессилел. Как ни тормошила меня Анфиса «жрать баланду» – не поднимался с топчана. Открылся понос... На врачебном обходе уже не мог отвечать на вопросы. Врач сказал санитару: «Завтра, наверное, в сарай этого выносить придется». Слышал я это, но никак не реагировал.

В тот же день к вечеру в палате появился сам начальник санчасти вместе со знакомым мне бухгалтером – Василием Михайловичем. Остановившись около меня, начальник информировал бухгалтера:

– У больного тяжелейшее состояние: завершающая стадия пеллагры 3-я с профузным поносом. Жизнь на волоске и волосок вот-вот оборвется.

Далее я слышал просьбу бухгалтера:

– Игор Петровиш, делай што хочеш, должен жит этот шеловек. Ошен прошу: надо жит шеловек.

– Сделаем, что в наших силах, Василий Михайлович, – ответил начальник санчасти, и они вышли из палаты.

Через полчаса около меня появилась фельдшер-акушерка Полина Ивановна . Слегка повернув меня на бок на топчане, принялась ложкой вливать мне в рот сладкую воду. С жадностью я глотал и глотал: всю кружку выпил. В обед, по обыкновению, разносили баланду, но меня уже дня два обходили – ведь я не поднимался. После обеда ко мне вновь подошла Полина Ивановна с миской жиденькой овсянки; стала ложкой кормить меня. Потом давала еще с ложечки сладкую воду.

На следующий день она же раздобыла в семье офицера сушеной черники и на протяжении двух месяцев поила меня горячим и сладким черничным раствором. С конца июля Полина Ивановна ежедневно выходила за зону, собирала по состраданию ко мне ягоды – голубику и чернику, которые я ел так охотно.

С помощью Божией отступила от меня даже грозная пеллагра, но пережил утрату памяти: не помнил написания букв и цифр, забыл молитвы, псалмы, названия населенных пунктов, звезд первой величины, созвездий... словом, забыл почти все. Однако сохранялась потребность молитвы, а так как все молитвы были забыты, начал обращаться к Богу своими словами. Первой и самой постоянной молитвой стала самая краткая: «Боже, будь со мною!»

Перед тем, как идти мне в процедурную на перевязку, фельдшер говорил: «Подготовьте ногу к перевязке». Я выходил на веранду стационара и, размотав повязку, деревянной палочкой очищал рану от копошившихся червей. Черви болезненно заявляли о себе на нервных окончаниях в пальцах и культе; иногда же чувствовался лишь небольшой зуд .

(Продолжение следует)

Лесник

Среди густого соснового леса, на краю небольшой полянки, сплошь заросшей частым кустарником, стояла низенькая бревенчатая избушка с соломенной, побуревшей от дождей и непогоды крышей. Два небольших оконца, словно подслеповатые глаза старушки, глядели из-под нависшей растрепанной кровли на глухую дорогу, которая прихотливо вилась между высокими деревьями. Низкая дубовая дверь вела в темные сени, где обыкновенно стояли лошадь и корова, и спала Жучка. Зимою иной раз по ночам приходилось выдерживать довольно продолжительные осады от голодных волков, так что Ворончика и Буренку приходилось сторожить, как следует. Осенью или весною забредал сюда и сам Михайло Иваныч Топтыгин, разнюхивая себе добычу. Жучка издалека чуяла, бывало, его приближение и поднимала такой вой, что хоть святых выноси.

Страшно в лесу зимою, да еще ночью! Занесет избушку снегом, засыплет поляну, весь лес покроется снежной пеленой. Деревья стоят такие спокойные-спокойные, будто заснувшие непробудным долгим сном. Тихо-тихо кругом. Только слышно, как изредка треснет от холода высокая сосна да сломится засохший сучок. Пролетит над поляной одинокая галка и скроется за деревьями. Заяц проскачет через дорогу и исчезнет в кустарнике.

Тихо и пусто в лесу. Из трубы сторожки высоко к небу тянется дымок, в сенях Бурёнка пережёвывает сено. Словно забытая всеми, стоит здесь эта избушка лесника Акима, и следов к ней никаких невидно на заглохшей дороге.

Самого старика часто не бывает дома. Он должен каждый день обходить свой участок леса. Перекрестит старик избушку, поправит за плечами ружье – и скроется по дороге за толстыми соснами и зелеными елями. Из окошка смотрит вслед за дедушкой любимая его внучка Феня и тоже крестит его и шепчет молитву.

Страшно оставаться одной Фене, страшно и за дедушку. Короток зимний день, переменчиво серое зимнее небо. Поднимется метель, ветер; зайдет далеко дедушка, не найдет дороги и замерзнет, не вернется назад. Так-то вот замерз Фенин батя. Похал – и пропал. Только весною разыскали в глубоком овраге его косточки и разорванную одежду. Тогда же и мама умерла. Родила Аленку и оставила ее жить на свете сиротой. Утром появилась Аленка, а вечером мама простилась с дедушкой, благословила Феню и вздохнула в последний раз... Как было страшно первое время без мамы; как было скучно, когда уезжал дедушка в лес.

Сначала Аленка кричала целый день и всю ночь. Дедушка думал, что и она не захочет жить; но потом стала она сосать молоко от Буренки и затихла. И пошли дни за днями, одинаковые все, монотонные, серые. Приходили ночью волки к сторожке; показался один раз на полянке и медведь, но это было уже весною, когда не так страшно. Феня заботливо ухаживала за Аленкой и стала совсем, как большая. Утром дедушка ставил в печку горшок и потом уезжал. Феня смотрела за сестренкой, давала корм корове, убирала и чистила избу. Потом она садилась к окошку и читала дедушкин календарь. Дедушка выучил ее и читать, и писать, только книжек не было, а этот календарь Феня прочитала уже сто раз, и он давно ей наскучил. Летом маленькая нянька несла свою питомицу гулять на поляну.

У нее была еще и другая забота. Давно-давно, уж Феня и забыла, когда именно, когда еще батя и мама были живы, дедушка принес из леса пушистую белку. Должно быть, она была больна, потому что смирно сидела в уголке на мягкой подстилке из сена и не хотела ничего есть. Через несколько дней она сделалась живою и веселою. Щелкала орехи, пила молоко и прыгала по всей избе безо всякого страха. Когда отворили дверь, она хотела было

ускакать, но ее тогда не выпустили. Потом, когда она совсем привыкла, Феня вынесла ее на полянку; белка страшно сначала обрадовалась, начала прыгать по кустам, забралась на высокую ель, перескочила на сосну. Думали, что она уже не вернется, но к вечеру она пришла домой. С тех пор белка была свободна и могла гулять, сколько хотела. Феня взяла ее на свое попечение, набирала для нее орехов переменяла подстилку, давала ей пить. Прозвали ее Царапкой, потому что она очень любила царапаться, хотя была совсем не злая. Особенно опасно было оставлять Аленку и Царапку вместе. Того и жди, что обидят друг друга.

Так и жили в маленькой сторожке дедушка Аким с внучками. Дедушка объезжал лес, а Феня нянчила Аленку и вела все хозяйство, совсем как большая. Она и Буренку доить научилась, корова знала и любила свою маленькую хозяйку и слушалась ее голоса. Все было бы хорошо, если б только был здоров дедушка. Но лесник, как ни бодрился, а старел и слабел очень заметно. Смерть любимой дочери и ее мужа подкосили Акима. Все чаще и чаще он жаловался на боль в пояснице, на ломоту в ногах, на плохие глаза.

– Стар становлюсь, Фенюшка, – говорил он. – Ох, стар!

– Нет, дедушка, будь здоров! Аленка подрастет, я тогда заработаю много денег, – отвечала девочка.

Дед с ласковой улыбкой гладил по голове внучку, кряхтел и приговаривал:

– Господи Милостивый, помилуй нас, грешных!

К ночи все затихало в маленькой сторожке. Гасили огонь и укладывались спать. Из сеней только слышалось громкое фырканье Ворончика и доносилось пыхтение Буренки, которая чесала шею о косяк стойла. Во сне лаяла Жучка: должно быть, ей снились серые волки. Безмятежным детским сном засыпала и Феня, укрывшись дедушкиным тулупом и поближе прижавшись к старому Акиму. В люльке под пологом спала и Аленка.

Наступило лето. Кустарник на полянке покрылся зеленью, сосны и ели сбросили со своих веток пушистый снежный покров, встряхнулись и, словно пробудившись от долгого сна, шевелили наверху молодыми колючими побегами. Сосновый лес благоухал. Жарко и сухо стало. Внизу несменяющаяся тень покрыла иглистую настилку почвы. Зазеленели костяника, малина. Хорошо стало в лесу!

Бурёнке привязали на шею колокольчик и выпустили пастись на полянку. Феня целый день гуляла с сестрой. Дедушки постоянно не было дома. Царапка скакала по елям и соснам.

Однажды вечером на глухой дороге, между деревьями, показалась всадница в сопровождении кавалера. Усталые лошади сами повернули на полянку к избушке и остановились у открытой двери, на пороге которой сидела Феня и забавляла Аленку. Царапка прыгала в кустах.

– Здравствуй, девочка, – сказала амазонка. – Дай нам, пожалуйста, молока. Мы заблудились в этом лесу.

Феня позвала их в избушку и принесла холодного молока. Гости отдохнули, и молодая наездница разговорилась с маленькой хозяйкой. Феня рассказала все о своем житье-бытье: про старого дедушку, про батю, про маму; рассказала о том, как она в долгие зимние вечера читает календарь, как ей хочется учиться.

В это время из лесу выехал верхом на Ворончике и дедушка Аким. Он соскочил с седла и низко поклонился барышне и молодому господину.

– А мы вот заблудились и попали к тебе, – сказала барышня.

– Милости прошу, матушка, милости прошу, – отвечал лесник.

– Ну, как же ты живешь тут?

– Смотрите, милая барышня, как живу. Вот моя хозяйка – Феня. Все бы хорошо, да уж стар становлюсь, ох, стар; болят кости. Думал, дочернин муж будет помощник, ан, вышло не так. Не привелось пожить ему...

– Фене нужно учиться, старик, – сказал молодой барин.

– Где уж нам учиться, – возразил лесник, понурив голову. – Одному-то мне с Аленкой неспособно оставаться.

– Подожди, дедушка, мы подумаем, – сказала барышня. – Мы еще к тебе заедем; а теперь проводи нас с братом на большую просеку.

Они уехали. Аким скоро возвратился, и Феня прежде всего спросила, кто такие были эти гости.

– Нашего хозяина дети, дочь и сын, – ответил дедушка и прибавил: – Добрые они.

– А барышня-то какая красивая, – заметила Феня.

На этом и кончился их разговор. Но лесник долго не спал в эту ночь. Он все думал о том, что станется с его внучками, когда его, старика, не будет на свете.

– Надо поговорить с барышней, – решил он. – Стар я, ох, стар; а девочки еще несмышленые.

Он долго кряхтел и кашлял, волнуемый тяжелыми думами, а Феня спала и видела себя во сне такой же красивой, такой же нарядной, как и молодая барышня. Ей снилось, что она тоже верхом на лошади мчится по широкой лесной просеке, и высокие сосны мелькают мимо по бокам так быстро, что их нельзя и рассмотреть.

Наступило утро. Дедушка с Феней принялись за работу, Феня все ждала, что на глухой дороге, как и вчера, опять появится красивая амазонка; но наступил уж и вечер, а гости не приезжали. Прошел день, прошел другой, прошел третий. Дедушка кряхтел и кашлял и был сумрачный и неспокойный.

Наконец, однажды вечером в сторожку приехал приказчик и объявил Акиму, что старый барин хочет его видеть и чтобы он завтра же приехал в усадьбу.

– Хотят на твое место другого лесника поставить, – прибавил приказчик. – Ты стар стал.

– А как же я-то буду с внучками? – спросил Аким.

– Уж не знаю, – ответил тот, ударил лошадь и скрылся за толстыми соснами.

На следующий день Аким поднялся рано-рано. Он достал из сундука праздничную поддевку, вытряхнул ее, вычистил Ворончика, починил на седле подушку, из которой торчал пух, и потом, простившись с Феней, поехал в усадьбу. Долго он там пробыл, но зато вернулся радостный, веселый и сказал Фене:

– Ну, внучка, теперь по-другому жить будем, а тебе учиться надо. Сама барышня тебя учить начнет. Из лесу уйдем теперь. Будем жить в усадьбе.

И такой радостный был дед, каким никогда не видела его Феня. И у нее на душе стало тепло и весело. Даже маленькая Аленка – и та, кажется, чувствовала праздник, хлопала ручонками, смеялась, лопотала что-то по-своему и тянулась к Царапке; а белка беззаботно скакала в кустах с ветки на ветку и ничего не понимала, ей везде хорошо. Были бы орехи, была бы около нее ее кормилица Феня и маленькая отчаянная Аленка, которую она очень любила, хотя и ссорилась с нею часто.

Сидя на порожке избы в дверях и прощальным взором окидывая полянку с зелеными кустами и высокие старые деревья, лесник говорил:

– Умру я скоро; останешься ты одна, Фенюшка, с Аленкой. Учи ее уму-разуму, чтобы она стала та кой же хорошей, как и ты.

– Нет, дедушка, – отвечала она со слезами на глазах, – будь здоров. Аленка вырастет, я выучусь, тогда много денег заработаю. Живи, дедушка, не умирай...

– Чудное дело, – раздумчиво говорил старый Аким. – Заблудились молодые господа в лесу, попали в нашу сторожку – переменилось наше горькое житье. Не нарочно они нас искали, чтобы доброе дело сделать... А ты, Фенюшка, смотри! Будешь жить на свете, сама ищи доброго дела, кого облегчить, кому помочь...

– Я всех буду любить, дедушка. Только ты живи!

И долго еще прожил лесник.

Заслужил он долгую жизнь своею любовью.